

ВЕСТНИК

Института биологии
Коми НЦ УрО РАН

№ 2
(190)

В номере

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!	2
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ РОДИНУ	4
ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ	15
ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	28
ЮБИЛЕИ	38

В номере использованы материалы, опубликованные в изданиях «Судьбы, опаленные войной» (Сыктывкар, 1995. 224 с.) и «Мы будем вспоминать...» (Сыктывкар, 2005. 180 с.).

С 2012 г. издается шесть раз в год.

Издается
с 1996 г.

Главный редактор: д.б.н. С.В. Дегтева
Зам. главного редактора: к.б.н. И.Ф. Чадин
Ответственный секретарь: И.В. Рапога
Редакционная коллегия: д.б.н. В.В. Володин, к.х.н. Б.М. Кондратенко,
к.б.н. Е.Г. Кузнецова, к.б.н. Е.Н. Мелехина, д.б.н. А.А. Москалев,
к.б.н. А.Н. Петров, к.с.-х.н. Н.В. Портнягина, д.б.н. Г.Н. Табаленкова,
д.б.н. А.Л. Федорков, к.б.н. Т.П. Шубина

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

УВАЖАЕМЫЕ ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, КОЛЛЕГИ!

В майские дни 2015 года наша страна отмечает знаменательное событие – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Эта дата не может оставить равнодушными жителей России. Слишком дорогая цена была заплачена за сегодняшнюю мирную жизнь. И хотя минули десятилетия с момента окончания кровопролитных боев, выросло несколько поколений, не знавших тягот военных лет, до сих пор в каждой семье скорбят о тех, кто не вернулся с поля брани или был казнен фашистами, уничтожен ими в газовых камерах, умер от ран, голода, холода и болезней...

С первых дней вероломного вторжения войск фашистской Германии на территорию нашей Родины проявились лучшие черты населявших ее народов – сила духа, единство перед лицом врага, взаимовыручка, воля к победе. Плечом к плечу сражались на фронтах бойцы разных национальностей, обороняя родную землю до последней капли крови. Обеспечивать армию всем необходимым помогали труженики тыла – старики, женщины, рано повзрослевшие дети. Их жизни – пример настоящего героизма, память о котором не должна быть стерта временем. Это особенно важно сегодня, когда в некоторых странах Европы, воевавших в 1940-е годы против фашизма, «коричневая чума» вновь возрождается, а пособники нацистов провозглашаются национальными героями.

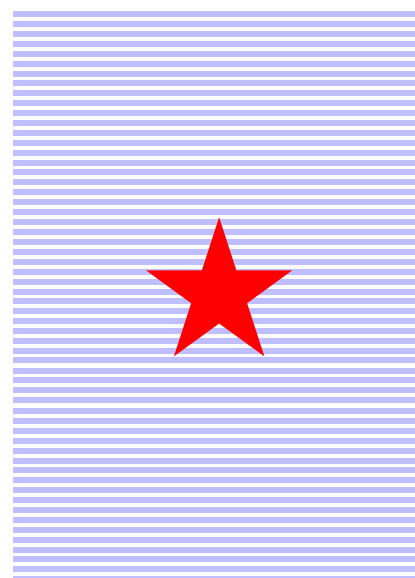
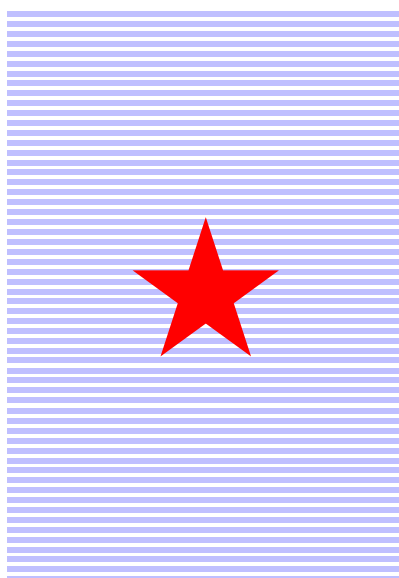
В Институте биологии в разные годы работали 15 участников Великой Отечественной войны и 26 тружеников тыла. К сожалению, многие из них уже не встретят с нами этот праздник. Но мы помним имена всех, кто не щадя своей жизни защищал Родину от оккупантов, работал на пределе сил, обеспечивая ее обороноспособность. Со страниц этого номера журнала на Вас будут смотреть их лица, а воспоминания очевидцев тех страшных дней еще раз напомнят о том, что уроки Второй мировой войны не следует забывать...

Мы благодарны тем, кто подарил нам мир, уверенность в завтрашнем дне и надежду на счастье! Преклоняемся перед их мужеством и всегда будем помнить об их подвиге.

С праздником, уважаемые ветераны! Пусть Ваш дом будет наполнен радостью, согрет любовью и заботой родных и близких!

В канун праздника Великой Победы желаю всем мирного солнечного неба!

С.В. Дегтева,
директор Института биологии

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

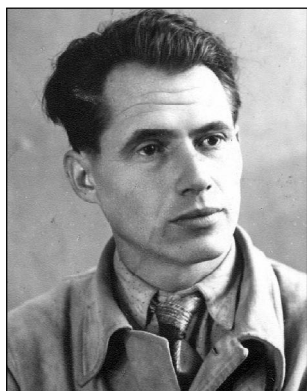
РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РАН

За ратный подвиг на полях сражений, героический труд во время войны, большой вклад в развитие отечественной науки и в связи с 70-летием Победы объявить благодарность ветеранам Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., ранее работавшим в АН СССР и РАН:

**Елене Степановне Болотовой,
Пелагии Ивановне Вахниной,
Ие Васильевне Забоевой,
Тамаре Алексеевне Стениной,
Ариадне Николаевне Цыпановой**

№ 10105-205 от 7 апреля 2015 г.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БЕЛЯЕВ

(1912-1975)

С 1941 по 1945 г. участвовал в боях на Волховском, Сталинградском, Центральном, Втором Белорусском фронтах в качестве командира взвода топографической разведки, начальника топографической службы артиллерийского полка. Освобождал Польшу, воевал в Германии.

Гвардии старший лейтенант.

Награжден орденом Красной Звезды (1944), медалями «За оборону Сталинграда» (1942), «За освобождение Варшавы» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945).

В Коми филиале АН СССР работал с 1946 по 1972 гг. – старший лаборант, младший научный сотрудник (1945-1962), ученый секретарь Института биологии (1962-1971). Занимался изучением почв и почвенного покрова Коми АССР.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ВАВИЛОВ

(1918-1984)

Доктор сельскохозяйственных наук (1964), академик ВАСХНИЛ (1973), член-корреспондент АН СССР (1979). Окончил в 1941 г. Московскую сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева (МСХА). Принимал участие в боях под Москвой и на Орловско-Курском направлении. Награжден медалями «За оборону Москвы» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945).

Аспирант, ассистент кафедры растениеводства МСХА (1945-1948). Старший научный сотрудник сектора климатологии научно-исследовательской базы АН СССР в Коми АССР, ученый секретарь Президиума Коми филиала АН СССР (1949-1951), заместитель председателя Президиума Коми филиала АН СССР (1951-1956), председатель Президиума Коми филиала АН СССР (1956-1965), одновременно (1962-1965) директор Института биологии Коми филиала АН СССР. Внес существенный вклад в изучение вопросов радиобиологии и экспериментального мутагенеза, растениеводства и интродукции растений. Профессор кафедры растениеводства (1965-1971), ректор (1971-1978), заведующий кафедрой растениеводства (1978-1984) МСХА. Президент ВАСХНИЛ (1978-1984). Почетный академик академий Болгарии, Польши, Чехословакии, ГДР и Швеции. Вел огромную общественно-политическую деятельность. Избирался депутатом Верховного Совета Коми АССР (1959-1963), Моссовета. Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР (1962), Заслуженный деятель науки РСФСР (1976).

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени. Лауреат премии Совета Министров СССР (1984).

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА ВАХНИНА

(род. 10.10.1921 г.)

До войны работала учительницей младших классов в Прилузском районе Коми АССР. В июле 1942 г. добровольцем ушла на фронт. Воевала в составе Ленинградского и Карельского фронтов. Санитарка медико-санитарного батальона.

Награждена медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

После окончания войны работала учительницей в той же школе.

В Коми научном центре Уро РАН работала с 1987 по 1997 г. – дежурный бюро пропусков Института биологии.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОСМОРТОВ

(1899-1985)

Доктор сельскохозяйственных наук (1968).

Во время войны участвовал в боях на Первом Украинском фронте в составе Седьмого гвардейского танкового корпуса. Освобождал Польшу, Германию, Чехословакию.

Награжден орденами Отечественной войны II степени (1985), Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В Коми филиале АН СССР работал с 1945 по 1977 г. – старший научный сотрудник Института биологии. Занимался изучением биологии картофеля в Коми АССР. Опубликовано более 30 научных работ, в том числе монография «Биология картофеля в Коми АССР».

Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР (1969).

НИКОЛАЙ ЕГОРОВИЧ КОЧАНОВ

(1926-1992)

Доктор биологических наук (1971), профессор (1979).

В октябре 1943 г. был призван в ряды Советской Армии. Принимал участие в боях под Нарвой, Ригой. Войну закончил в Румынии.

Старший лейтенант ветеринарной службы.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» (1945)», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945).

В Коми филиале АН СССР работал с 1959 по 1992 г. – младший научный сотрудник (1959-1961), заведующий лабораторией (1962-1988), зам. директора Института физиологии (1988-1991), заведующий лабораторией (1991-1992).

Опубликовано более 110 научных работ, в том числе две монографии. Под его научным руководством защищено 10 кандидатских диссертаций.

Награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970).

Заслуженный деятель Коми АССР (1974).

ИЗОСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЮШЕВ

(1921-2014)

Кандидат сельскохозяйственных наук (1970).

Воевал на Юго-Западном, Воронежском, Первом Украинском фронтах в качестве командира артиллерийского орудия. Имел семь ранений. Инвалид войны III группы.

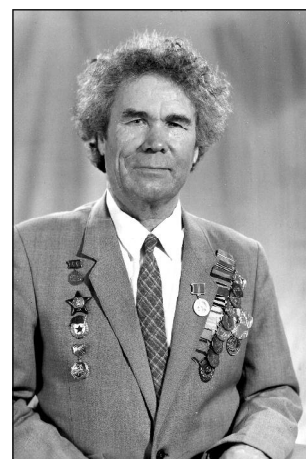
Гвардии старший сержант.

Награжден орденами Красной Звезды (1944), Отечественной войны II степени (1985), медалями «За отвагу» (1943), «За боевые заслуги» (1943), «За оборону Киева» (1961), «За взятие Берлина» (1945), « За освобождение Праги» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг» (1945).

В Коми филиале АН СССР работал с 1968 по 1990 г. – заведующий Выльгортской научно-экспериментальной биологической станцией (до 1976), научный сотрудник Института биологии.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Коми АССР.

Заслуженный зоотехник Коми АССР (1970).

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛАЗАРЕВ

(1911-1967)

Кандидат сельскохозяйственных наук (1955).

После окончания лесотехнического техникума в 1930 г. работал в леспромхоз треста «Севлес». В 1936-1941 гг. учился в Архангельском лесотехническом институте, затем работал младшим научным сотрудником Северной базы АН СССР. В 1942-1945 гг. находился на фронтах Великой Отечественной войны. Участвовал в боях на Центральном, Брянском, Первом Белорусском фронтах в должности командира стрелковой роты и заместителя командира батальона. Старший лейтенант. Четырежды ранен, из них дважды тяжело. Награжден орденом Красной Звезды (1946) и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945)

После демобилизации работал в Архангельском лесотехническом институте. В 1946 г. был принят в сектор лесного хозяйства Научно-исследовательской Базы АН СССР в Коми АССР. Изучение естественного лесовосстановления площадей после вырубок сосновых лесов южной части Коми АССР стало темой кандидатской диссертации Н.А. Лазарева. В 1956-1967 гг. заведовал отделом леса Коми филиала АН СССР. Был секретарем партийной организации Коми филиала АН СССР, председателем Комиссии по охране природы при Президиуме Коми филиала АН СССР, членом научного Совета ВАСХНИЛ по лесному хозяйству, членом Лаборатории лесоведения и лесоводства АН СССР, участвовал в работе секции лесной промышленности технико-экономического совета Совнархоза Коми АССР. За время работы в Коми филиале Н.А. Лазарев исследовал леса республики, подготовил предложения, направленные на улучшение лесовозобновления, изучил вопросы промышленной вырубке леса и другие вопросы лесодобычи. Награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР (1961).

ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ МАСЛОВ

(1917-1994)

Кандидат биологических наук (1972).

В рядах Советской Армии служил с сентября 1937 по декабрь 1943 г. Участвовал в боях в районе Халхин-Гола и на Западном фронте при обороне Москвы в качестве начальника разведки артполка. В конце 1941 г. в боях за Москву был тяжело ранен. Инвалид войны II группы. В 1943 г. демобилизован по случаю ранения. Старший лейтенант.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В 1949 г. окончил звероохотоведческий факультет Московского пушно-мехового института по специальности «биолог-охотовед». В 1949-1953 гг. работал начальником Управления охотничьего хозяйства при Совете Министров Коми АССР. В Коми филиале АН СССР работал с 19 сентября 1953 г. по 7 января 1982 г.: м.н.с. отдела зоологии (1953-1954 гг.), отдела животноводства и зоологии (1954-1959 гг.), заведующий лабораторией радиобиологии (1959-1982 гг.). В 1972 г. в Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук на тему «Роль мышевидных грызунов в процессах биогенной миграции урана, радия и тория в таежных биогеоценозах». В январе 1982 г. вышел на пенсию.

Один из организаторов радиобиологических исследований на территории Республики Коми. Под его руководством отдел радиобиологии на территории республики провел инвентаризацию районов и участков с повышенной естественной радиоактивностью, были развернуты работы по изучению влияния малых доз радиации на организмы и популяции растений и животных.

Заслуженный работник науки и культуры Коми АССР (1964). Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР (1967), медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970).

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПОНОМАРЕВ

(1924-2012)

Призван в действующую армию в 1942 г. Воевал на Воронежском, Первом Украинском, Четвертом Украинском фронтах. С боями прошел от Курска до Праги. Освобождал Украину, Польшу, Чехословакию. Награжден двумя орденами Красной Звезды. Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За храбрость» (Чехословакия), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Вся трудовая жизнь связана со школьным образованием. За педагогическую деятельность награжден орденом Октябрьской революции, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР.

Заслуженный учитель школы РСФСР.

В Коми научном центре УрО РАН работал с 1988 г. – дежурным бюро пропусков Института биологии.

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

(1915-1997)

Воевал на Калининском, Донском, Втором Прибалтийском фронтах в должности командира отделения, взвода. Принимал участие в обороне Сталинграда, Великих Лук, освобождал Латвию.

Гвардии младший лейтенант.

Награжден орденами Отечественной войны II степени (1985), Красной Звезды, Славы II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В Коми филиале АН СССР работал с 1946 по 1975 г. – лаборант, младший научный сотрудник Института биологии.

Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР.

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

(1918-1972)

Кандидат сельскохозяйственных наук (1961).

В ряды Советской армии призван в 1941 г. с четвертого курса Пермского сельскохозяйственного института. Воевал в качестве авиамеханика 690-го полка Второй воздушной армии Первого Украинского фронта. Старший сержант.

Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

Демобилизован в 1945 г. В 1946 г. закончил институт и направлен на работу в Коми филиал АН СССР – младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Института биологии (1967-1972). Принимал активное участие в составлении Почвенной карты Коми АССР масштаба 1:1500000.

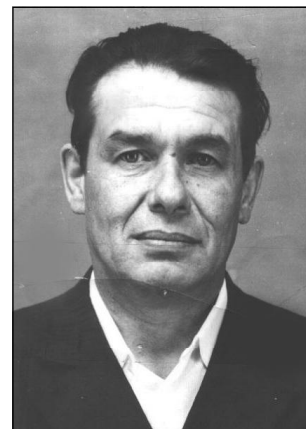
ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ САВЕЛЬЕВ

(род. в 1927 г.)

Призван в армию в 1944 г., служил в полках НКВД; уволен в запас в 1951 г. Старшина.

Награжден орденом Отечественной войны II степени (1985), медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В Коми научном центре УрО РАН работал с 1985 г. – сторожем стационара «Ляли».

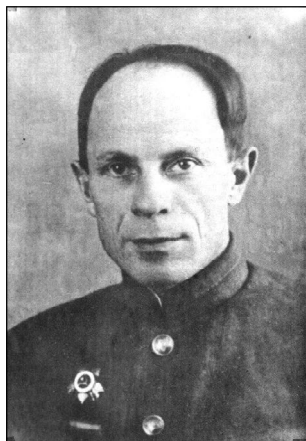
ИВАН СТЕПАНОВИЧ ХОЛОПОВ

(1919-1999)

Был призван на военную службу в Красную Армию в 1939 г. С декабря 1941 г. и до последних дней Великой Отечественной войны участвовал в боях. Воевал в составе 295-го артиллерийского полка на Крымском фронте. Служил писарем штаба полка. Прошел с боями до Германии через Молдавию, Румынию, Польшу. С 1945 по 1947 г. служил при штабе тыла 16-й Воздушной армии, в 971-м отдельном автобатальоне. В мае 1947 г. демобилизовался. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и пятью юбилейными медалями.

В июне 1947 г. возвратился на родину и приступил к работе агрономом в райсельхозотделе Сыктывдинского района. С 1968 по 1979 г. работал старшим агро-

номом Вильгортской научно-экспериментальной биологической станции Коми филиала АН СССР. Много сделал для успешной организации исследовательской работы научных сотрудников Института биологии.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЧАРОЧКИН

(1902-1976)

После окончания Ленинградского плодоовощного института в г. Пушкин в 1936 г. приехал в Сыктывкар и по заданию Коми Народного комиссариата земледелия взялся за организацию плодово-ягодного питомника в с. Вильгорт.

С июля 1941 по декабрь 1945 г. служил в Советской Армии. Участвовал в боях на Карельском фронте в должности командира взвода и адъютанта командира батальона. Дважды ранен. Старший лейтенант. Награжден орденом Отечественной войны II степени (1945).

После демобилизации в декабре 1945 г. поступил на работу в Базу АН СССР в Коми АССР. Стал ведущим специалистом по плодово-ягодному делу. Под руководством М.М. Чарочкина в 1963-1968 гг. в Ботаническом саду Коми филиала АН СССР выращены и переданы для внедрения в производство 30 тыс. шт. древесных растений, 25 тыс. шт. травянистых растений и 12 тыс. шт. ягодных культур. Научное наследие ученого послужило основой для дальнейших интродукционных исследований в созданном им ботаническом саду. Опубликовал более 40 научных работ. Вышел на пенсию в 1971 г.

Депутат Сыктывкарского городского совета депутатов трудящихся (1963-1966), член архитектурно-художественного Совета при Сыктывкарском горсовете, председатель Комиссии по охране природы при Сыктывкарском горисполкоме, член президиума Коми республиканского совета общества охраны природы (руководитель секции цветоводства).

Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР (1962).

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ ЮДИН

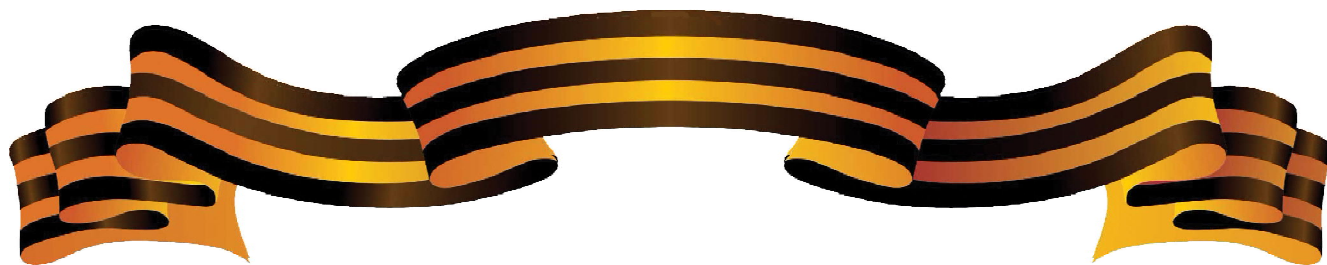
(1907-1952)

Кандидат биологических наук (1951).

Воевал в составе войск Карельского и Третьего Украинского фронтов. Дважды ранен.

Награжден медалями «За отвагу» (1944), «За боевые заслуги» (1945).

В Коми филиале АН СССР работал с 1946 по 1952 г. – старший научный сотрудник. Был исключительным знатоком растительности Коми АССР. Один из авторов первой карты растительности Коми АССР. Опубликовано около 50 научных работ.

МЫ ПОМНИМ

**Давным-давно закончена война.
Полвека в небе мирные закаты.
В полях былых сражений тишина,
Но не забыт народом сорок пятый.**

**Будь славен тот, кто жизни не щадя,
Пал в тех боях за честь родного края,**

**Под струями свинцового дождя
Собой Отчизну нашу заслоняя.**

**В уюте многокомнатных квартир,
В чередованье будничных волнений
Все помните, что значит слово «мир»,
Чем он оплачен, почему бесценен!**

В.А. Мартыненко. 1995 г.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА ВАХНИНА

Когда началась война, я работала в Гурьевской начальной школе, ныне средняя школа. В июне 1942 г. военкомат мобилизовал на фронт, нас было девять девушек. Приехали в Архангельск, где находился пересыльный пункт, назначили нам дальнейший путь – на Карельский фронт. Когда приехали в штаб фронта, получили направление в 450-й медико-санитарный батальон 367-й стрелковой дивизии. В годы войны дивизия стала гвардейской. Дежурный штаба фронта посадил нас в маленький деревянный вагон с одним окошком, и мы поехали по узкоколейной железной дороге, где испытали первый страх страшной войны. Попали под шквал снарядов артиллерийских орудий, паровозик остановился, девушки начали плакать и никак не могли успокоиться... Стояли минут десять, обстрел закончился, поехали дальше.

Вечером 21 июня 1942 г. доехали до Карельского лесного поселка Карпозеро (озеро неширокое, но длинное). Батальон находился на болоте в лесу. Переночевали на голых носилках перед перевязочной палаткой. Утром 22 июня пришел знакомиться с нами комбат капитан Маляренко. Каждую спрашивал – откуда и кем работали. Остался не в восторге. Нас распределили по отделениям. Меня с Липниной – в операционно-перевязочное отделение санитарками, где и были всю войну до демобилизации. По прибытии в медсанбат дивизия стояла в обороне, раненых было не так много. Проводились занятия по медицине, политучеба, комсомольские собрания. Комсоргом была энергичная девушка неунывающая, веселая Неонила Гафлюк, с нею не соскучишься. До сих пор переписываемся. На фронте всем трудно, легко не бывает, а девушкам – вдвойне. Санитарный батальон – это упорный ежедневный труд. Принимали раненых, перевязывали, накладывали шины, готовили дрова, топили печи. Постоянно работал автоклав на дровах, стерилизовали перевязочный материал, инструменты для операций и перевязок.

Дальнейший путь – Барбозеро, тоже лесной поселок с большим озером, а потом станция Кола, Ахти-Лахти, Никель, Петса-мо и так до Норвегии. Медсанбат всегда располагался в лесу: легче маскироваться. В 1943 г. на всех фронтах шли наступления. Однажды во время передислокации собрали медицинское оборудование, погрузили на машины, двинулись в путь. По дороге шли наши войска: пехота, артиллерия. Мы на лыжах отмахали километров 50, и вдруг в это время в воздухе появились вражеские самолеты, начали стрелять, бомбить головное движение. Наши самолеты прилетели и отбили атаку. Медсанбату пришлось развернуться, снова работа после такого лыжного перехода. Очень много было убитых, раненых. Трое суток без сна, ни отдыха, ни еды. И снова в путь.

После февральских ожесточенных боев 1943 г. в семнадцатом полку потери были так велики, что полк выбыл на переформирование в г. Кемь. Полк пополнился совсем молодыми новобранцами, 18-летними солдатами и молодыми командирами, окончившими военные училища. При наступлении

в первом же бою было ранено очень много молодых солдат. Поступили в медсанбат раненые – кто сам идет, кого на плащ-палатке несут или везут на лошадах, собаках и машинах. Опять работа без сна, без отдыха, несчетное количество раненых. Один случай запомнился на всю жизнь. Подходит командир роты и говорит: «Полина, иди, там Солдатова привезли на машине, поговори, он не ранен». Подошла и увидела: лежит на носилках неподвижно, глаза открыты, стоячие, лицо землистого цвета. На мои слова не реагировал, был в состоянии тяжелого шока. От ожесточенного боя, смерти своих солдат, от обильной солдатской крови нервы не выдержали. Отправили сразу в тыл. Через год получаю письмо: полевая почта 63827-А, Полине. Обратный адрес – Томск, Солдатов. Пишет, что целый год лежал в госпитале. «Выписали, нахожусь дома. Помню твои слова: «Ваня, держись. Будь здоров». Только эти слова вспомнил спустя месяцы».

При наступлении дивизии, после боев, в медсанбате – настоящий фронт. Летом 1943 г. в районе Петрозаводска, в южной части Карелии, было так много раненых, что пришлось занимать палатки, которые предназначались для жилья. Весь медперсонал с ног валился от усталости. Негде было отдохнуть, да и некогда. Ида Романовна Мирмович, командир хирургического отделения, бывало, скажет: «Девочки, идите, где-нибудь сомкните глаза». А сама устала, сонная не отходила от операционного стола. Как будто раненых убыло, можно по очереди отдохнуть, опять привезли трех танкистов. Какими тяжелыми поступили, словами не скажешь, это только увидеть надо. Часто мешали работе бомбежки, стрельба из дальнобойных орудий. Шла операция. Оперировал старший хирург Анатолий Григорьевич Зебрин, помогала молодой врач Ирина Цкалик, я освещала операционное поле лампочкой от аккумулятора. Как начали бомбить, это ужас! Молодая Ирина растерялась, нарушила стерильность, пришлось заменить ее на Мирмович. После операции А.Г. Зебрин взял меня за плечи и поблагодарил: «Спасибо за помощь, не струсил». К этим бомбежкам и обстрелам мы, можно сказать, привыкли, хотя и с трудом. На фронте похвала, первая улыбка раненого после операции и наркоза важна, настроение поднималось.

Труд медработников медсанбата был поистине титаническим. Никогда к раненому не подходили с плохим настроением. Доброе, ласковое обращение помогало им быстрее выздороветь, вернуться в строй. Часто приходилось давать кровь тяжелораненым, когда нужной крови не оказывалось. До сих пор, хотя прошли десятки лет, помню солдат, офицеров без рук, без ног, каждую оплаканную смерть на операционном столе. Так прошли в суровых условиях Заполярья тяжелые три с половиной года. Зимой – на лыжах, летом – пешком.

Победу встретили в Финляндии в сосновом бору, ближе к Норвегии. Выжили. Победа за нами – советскими солдатами. Советский солдат велик, нет ничего выше его ратного подвига.

В мае я была в финских лесах близ Нарвежи. Вечером 8 мая началась стрельба, раздались крики. Мы выскочили из землянки. Что случилось? Оказывается, все раненые уже узнали о Победе и выскочили из госпиталя на улицу, начали стрелять. Победа! 9 мая командир батальона объявил: «Девушки, Победа!». Все начали обниматься, смеяться, плакать. 28 августа 1945 г. я, счастливая, вернулась в свое родное село, где ждали меня отец с матерью и сестра. Младший брат погиб на Днепре, старший лежал в госпитале.

ИЗОСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЮШЕВ

В октябре 1939 г. мне исполнилось 18 лет, и меня тут же призвали в армию, очень скоротечно, даже не дали съездить попрощаться с родными. В Уфе я окончил полевую школу, получил звание сержанта. В сентябре 1940 г. по распределению попал в город Слободское Кировской области во вновь формирующийся корпусно-артиллерийский полк. Меня назначили командиром орудия.

В апреле 1941 г. поступил приказ по полку погрузиться в эшелон и следовать на новое место дислокации, так мы попали на Украину, в город Белая Церковь. Пробыли мы в Белой Церкви около двух месяцев, и вот новый приказ – погрузиться в эшелон и выехать в Западную Украину. Как помню, 17 июня 1941 г. мы выехали на запад. На душе было неспокойно, тем более что нам выдали медальоны, а это делается на случай военных действий. В эти дни разговоры о возможной войне с Германией было достаточно.

Утром 22 июня остановились на каком-то полустанке и с удивлением видим, что все железнодорожники носят сумки с противогАЗами. Мы решили, что, наверное, идут какие-то учения, но подходит к вагону командир полка и говорит: «Ребята, война!». Мы сильно не удивились, но бойцы притихли. Ведь война для всех нас была в первый раз в жизни, но переживать было некогда. Поступил приказ выгружать из платформ пушки и прочий всевозможный военный скарб. Сразу же после выгрузки двинулись на север, в направлении города Львов, где якобы прорвались немцы. Через несколько десятков километров перехода развернулись в боевые порядки и через несколько часов открыли огонь из пушек. Так 22 июня мы начали воевать. По шоссе, недалеко от нас, бесконечным потоком тащились беженцы с тележками, на которых везли какой-то скарб. По ним немецкие самолеты с бреющего полета били из пулеметов. Обезумевшие люди кричали, просили помощи, плакали дети около убитых матерей, прося их встать. Эта картина врезалась в сознание.

Нам в то тяжелое время приходилось день и ночь отражать натиск наседающих немецких войск. Надо сказать, что наша армия в ходе оборонительных боев оказывала героическое сопротивление. В некоторые моменты, по три-пять дней не отступая, вели оборонительные бои. Были контратаки, в ходе которых отбивали занятые немцами села, случалось, брали пленных. Жители сел, откуда изгнали немцев, рассказывали, что немцы не такие уж ге-

роические вояки. Говорили, например, что стоит появиться в воздухе хотя бы одному советскому самолету, который не бомбил, не стрелял, а просто летел, то немецкие солдаты в панике прятались под машины. Тем временем война продолжалась со всеми своими черными сторонами: гибелью своих, и не только товарищей, а вообще воинов нашей армии. Приходилось часто перегруппировываться, перемещаться по фронту, налево или направо, а чаще всего просто отступать. Все передвижения, как правило, совершались в ночное время, а ночи летом на Украине – темнее некуда. За день боев так устаешь, поспать бы – сон на войне большая роскошь. Пушки наши буксировали тракторы С-80, сесть, чтобы отдохнуть, некуда. Поэтому все мы шли пешком за трактором с пушкой, шли и на ходу спали. Бойцы расчета могли себе позволить спать на ходу – кто сколько мог, а нам, командирам орудий, спать удавалось тоже, но вполглаза – один глаз спит, а другой, как у зайца, бодрствует. Иной раз спящий на ходу боец вдруг уходил в сторону от дороги, спотыкался, падал и как ни в чем не бывало продолжал спать. Тогда ты подходишь к нему, поднимаешь за шиворот, даешь тумака, покроешь крепким словом и толкаешь вперед. Так на марше всю ночь, и ты не смеешь заснуть, иначе растеряешь людей. Когда, наконец, придешь к месту дислокации батареи, надо развернуть пушку, привести ее в боевое положение, окопаться, рыть рвы для себя и ямы для боеприпасов. Если бой сразу не начался, люди падают, как мертвые, и спят. А нам, командирам, работы невпроворот. Надо получить пищу, воду и быть вместо часового у пушки, все же спят. По две и более недели не удавалось поспать в полную силу, хотя бы несколько часов, выматывались – ветром качало, но как только начинался бой, все мечты о сне долгой, и, как ни в чем не бывало, ты опять воин.

Через несколько дней (это было 7 августа 1941 г.) наш полк оказался единственной частью, сдерживающей наступление немцев на этом участке. Командир полка, полковник Авдеев, возглавил бой. Поднял нас в контратаку, чтобы отогнать врага от пушек. В этой атаке командир полка и командир второго дивизиона были убиты. Из моего расчета погибли наводчик Иван Углов, Алеша Шихалев, оба из Архангельской области. Тяжело ранило командира батареи лейтенанта Боевца. Я получил ранение пулей навывлет, кости не задело. Я пробыл в санчасти две недели, рана немного зажила – и снова вернулся на батарею.

Война продолжалась, отступая с боями мы подошли к Киеву. Героическая оборона столицы Украины, продолжавшаяся два с лишним месяца, показала, что Красная Армия способна противостоять натиску немецко-фашистских войск. Какие только атаки на город немцы ни предпринимали, все они были отбиты. В этих боях меня вторично ранило, осколком в голову. Из Киева наши войска отошли только в связи с ухудшением оперативной обстановки на флангах. Хочется особо подчеркнуть высокий боевой и патриотический дух рядовых красноармейцев. Как ни тяжело было отступать, оставлять врагу города и села, боевой дух армии оставался. Разговаривая между собой о причинах на-

шего отступления, все были убеждены, что все равно наступит время, когда удастся остановить немцев, а затем погнать их с нашей земли. Я ни разу не слышал, чтобы кто-то говорил о том, что немцы победят, что мы будем побеждены. Все понимали нависшую угрозу порабощения нашего народа немцами.

Потом мне пришлось участвовать в оборонительных боях 1942 г. Это был самый тяжелый период. Огромные территории, занятые немцами, лишили нас продовольственной базы. Фабрики и заводы, эвакуированные за Урал, еще не приступили к работе, и мы это чувствовали на фронте каждый день. Например, снаряды для наших пушек отпускались поштучно, с жестким приказом расходовать их только с разрешения командования. Но война – это не только стрельба, атаки, отступления, наступления, но еще и неимоверно тяжелый труд. Ежедневно меняется позиция, каждый раз надо заново окопываться, рыть ровики для снарядов, площадку для пушки. Сколько за войну перекопано земли – если считать, то получаются астрономические цифры. Куда ни шло копать землю летом, а зимой копать промерзшую насквозь землю – наказание хуже не придумаешь, но копать надо, и копали. Хорошо еще, когда фронт стоит в обороне: выроешь землянку и спускаешься в нее в зимнюю ночь отогреться и поспать, при этом чувствуешь себя как в раю. В эти мгновения ничего лучшего не можешь себе пожелать.

Первое крупное и весьма успешное наступление нашего Воронежского фронта, в котором участвовала наша истребительная бригада, было осуществлено зимой 1943 г., когда в январе войска фронта начала наступление от Воронежа в сторону Курска. Это наступление вызвало небывалое воодушевление и подъем. За два года войны мы впервые гнали немцев не по полкилометра в день, а сразу на десяток и больше. Воодушевление и всеобщий порыв многократно поднялись, когда поступило сообщение о том, что сталинградская группировка немцев взята в плен в составе 300 тысяч солдат и офицеров. Зима в тот год была очень холодная и снежная, морозы достигали 20 и более градусов. Тем не менее, войска наступали, ночами грелись у костров, а с утра снова в наступление, так продолжалось около трех месяцев. Только весенняя распутица и бездорожье вынудили прекратить наступательные бои.

В результате зимнего наступления 1943 г. образовался Курский выступ, впоследствии знаменитая Курская дуга. Как известно, летом 1943 г. там произошло жесточайшее сражение, в котором мне довелось участвовать. Перед этим у меня было знаменательное событие: меня приняли в Коммунистическую партию, отныне я стал коммунистом.

Сражение началось ранним утром 5 июля мощной артиллерийской дуэлью и непрерывными атаками авиации с обеих сторон. От разрыва тысяч снарядов, бомб и реактивных установок, солнце заслонилось поднятой пылью, дымом и гарью от горящих танков, самолетов и автомашин, вообще ад, хуже не придумаешь. Ничего подобного мне не пришлось пережить ни до, ни после этого сражения. Сражение не прекращалось ни днем, ни ночью. В ночном небе беспрерывно вспыхивали освещенные

Молодой боец И.А. Коюшев. 1942 г.

тительные фонари на парашютах. Немцы с самого начала боев применили мощные танковые атаки, во время которых на узком участке фронта одновременно пускали по 200-300 танков. По ним наши войска вели огонь из всех видов оружия, мы – из своих противотанковых пушек. Вели огонь дальнобойная артиллерия и реактивные установки, самолеты бомбили с воздуха. Особенно успешно поджигали вражеские танки самолеты штурмовики Ил-2, и все же часть танков прорвалась в расположение наших войск. Один фашистский танк каким-то образом оказался в тылу нашей батареи. Мы вдвоем с комбатом развернули последнюю уцелевшую пушку и несколькими выстрелами подбили этот танк. Сколько было радости! Как ни тяжело было, но наши войска выдержали, выстояли. На пятый день беспрерывных боев немецкое наступление выдохлось, но и мы понесли немалые потери. Половина бойцов батареи были ранены или погибли. Из 20 пушек в полку уцелела только одна, меня в этом бою ранило в третий раз. Полк отвели для пополнения людьми и техникой. За бой на Курской дуге нашей бригаде присвоили звание гвардейской. Теперь она стала называться седьмой гвардейской артиллерийской истребительной бригадой, а наш полк – 320-м гвардейским полком этой бригады.

По завершению Курской битвы, в августе 1943 г., наш Воронежский фронт перешел в наступление. В нем участвовал и наш гвардейский артиллерийский полк. В результате весьма успешных

боев за месяц мы достигли Днепра. Форсирование Днепра развивалось довольно драматично. Правый берег, где стояли немцы, достаточно высокий, крутой, а левый, откуда мы наступали, пологий и низкий. Немцам все передвижения наших войск были видны как на ладони. И вот в этих условиях надо было форсировать довольно широкую реку. В результате тяжелых боев и очень больших потерь нашим частям все же удалось перебраться на правый берег и занять там плацдармы. Мы с пушками переплыли на пароме ночью, и как раз вовремя: утром немцы предприняли наступление. Положение создалось критическое, и все же мы удержали плацдарм. Войск на маленьком плацдарме скопилось очень много, вследствие чего каждый снаряд или мина уносила чью-либо жизнь. Таких плацдармов на правом берегу Днепра, ниже Киева, было несколько.

На своем плацдарме мы стояли весь сентябрь, а в половине октября нас обратно перевели на левый берег. Переправившись снова на левый берег, наши части ускоренным маршем двинулись вдоль Днепра на север, выше Киева. Здесь мы снова переправились на правый берег по уже наведенному понтонному мосту. Мы с удивлением увидели, что правый берег Днепра тут такой же низкий, как и левый. Если бы все войска форсировали реку здесь, выше Киева, то переправиться было бы гораздо легче, а самое главное, не было бы таких больших потерь, которые наши войска понесли при форсировании реки ниже Киева. Наши бойцы удивлялись и возмущались, почему командование с самого начала не форсировало реку всеми силами в этом месте. Если бы сделали так, то можно было бы с минимальными потерями людей и техники добиться успеха. По официальным данным, которые мы узнали сейчас, потери войск в битве за Днепр составили около 400 тысяч человек убитыми и утонувшими в реке.

У меня до сих пор перед глазами страшная картина – по Днепру плывут тысячи и тысячи трупов наших воинов, убитых и захлебнувшихся при форсировании реки. Это, на мой взгляд, был самый крупный непростительный провал командования Первого и Второго Украинских фронтов, кстати представителем ставки там был Г.К. Жуков.

5 ноября 1943 г. с плацдарма наши войска перешли в наступление, и 7 ноября, в праздник Великого Октября, мы освободили Киев. Получилось так, что за этот город я дрался дважды – в 1942 и 1943 гг. В этих боях меня четвертый раз ранило, опять в голову, подлечившись, вернулся в свой полк и участвовал в боях за освобождение правобережья Украины. К осени 1944 г. наши войска вышли на государственную границу, почти туда, западнее Львова, откуда я начал свою военную страду в 1941 г. Великий, мучительный, полный драматизма трехлетний военный поход с тяжелыми оборонительными боями 1941-1942 гг. и наступательными – в 1943-

1944 гг., завершился изгнанием немецко-фашистских войск с нашей многострадальной Родины.

Интересно отметить наметившуюся смену настроения воинов, наших бойцов, ко второй полови-

не 1944 г. Впервые за три года войны они заговорили о том, что хорошо бы остаться живыми и увидеть, какая будет жизнь после войны, до этого таких разговоров не было слышно. Никто не был уверен и не надеялся остаться живым в этой страшной войне. Все, в их числе и я, не верили, что из этого военного ада можно выйти живым. Если до сих пор еще не убило, то значит наша судьба еще впереди, и, возможно, погибнешь в очередном бою. Поэтому и разговоров о том, что было бы хорошо остаться живым и вкусить мирную жизнь, не возникало, а тут заговорили, почувствовав, что и у войны может быть конец, и он уже не за горами. Но впереди нас еще ожидали тяжелые бои, многим не удалось остаться в живых и увидеть конец войны.

О здоровье на фронте надо особо сказать. За все четыре года, что я пробыл на войне, пришлось пережить холод и сыкоть, и снег по пояс, и воду по горло, и ночи напролет под дождем, и в окопах по колено в воде. Мерзли страшно. Практически без нормального человеческого сна, но не болели. Ни разу не простужался, даже не кашлял. Это трудно понять, но это было так. Перед опасностью смерти организм человека способен мобилизовать такие жизненные силы, которые могут противостоять любым невероятным трудностям и болезням.

А война продолжалась. К январю 1945 г. мы достигли границ Германии и завязались кровавые сражения на территории врага. Наша гвардейская бригада участвовала в овладении Силезским угольным бассейном. Хочу отметить исключительно доброжелательное отношение наших бойцов к своим заклятым врагам, наделавшим нам столько зла и бед, уничтожившим целые села и города. Не было ни одного случая злонамеренного лишения немца жизни. Немцы, напуганные геббельсовской пропагандой о том, что русские дикари будут всех убивать, убегали вместе с отступающими немецкими войсками, но многие остались, и когда у них проходил первый страх, видя, что никто их не только не убивает, но и не трогает, осмелели и начали рассказывать о том, что они пережили перед приходом русских, их опасения оказались напрасными.

В апреле 1945 г. нашу артиллерийскую противотанковую бригаду перебросили из южной Германии на берлинское направление – 16 апреля началось наступление Красной Армии по всему фронту, на Берлин. Артиллерийская подготовка, длившаяся целый час, была такой мощной и плотной, что начисто парализовала немецких солдат. Когда мы перешли в наступление, со стороны немцев по нам не было ни одного выстрела. Солдаты, те, которые остались живыми, очумевшие от артиллерийской канонады, лежали на дне окопов и траншей и что-то бормотали, потом вставали, поднимая руки. В течение 10 дней, преодолевая многочисленные укрепленные узлы сопротивления немцев, советские войска подошли с юго-востока к окрестностям Берлина.

В итоге последующих уличных боев 2 мая Берлин был взят. Мы надеялись, что на этом война для нас кончилась, но не тут-то было. Весь Первый украинский фронт повернул на юг, с задачей освободить столицу Чехословакии – Прагу. Все механизированные войска фронта, танки, артиллерия на

механизированной тяге и прочие мобильные механизированные части, ведя бои на марше, не прекращая продвижение ни днем, ни ночью, преодолели горный перевал в Судетах и вступили на территорию Чехословакии.

Немецкие войска, деморализованные таким мощным и быстрым наступлением, целыми дивизиями сдавались в плен. Колонны немцев тысячами шли нам навстречу, никто их не конвоировал. Еще раз наши бойцы и командиры продемонстрировали всему миру и немцам высокий дух миролюбия и человеколюбия. Думаю, что так к пленникам, вчерашним заклятым врагам, могли относиться только советские люди.

9 мая 1945 г. мы освободили Прагу, а 10 и 11 мая, когда весь наш народ праздновал Великую Победу, мы продолжили бои за Прагой с одной из немецких группировок, состоящей из армейского корпуса и танковой армии. Только 12 мая эта группировка была разгромлена. Наконец и для нас наступил такой долгожданный мир, доставшийся морем крови, небывалыми лишениями и страданиями всего советского народа.

За четыре года войны я был семь раз ранен. На знамени Победы есть капля и моей крови. Судьба была благосклонна. Руки и ноги остались при мне. Когда окончилась война, мне было всего 23 года. За этот короткий отрезок жизни я успел шесть с лишним лет прослужить беспрерывно в рядах Красной Армии, в том числе четыре года на войне.

Война отобрала у меня юность и молодость, взамен надолго засели в моей памяти пережитые ужасы войны. В течение почти 23 лет после окончания войны каждую ночь она мне снилась. Стоило заснуть, и начинались видения самых тяжелых периодов оборонительных боев 1941-1942 гг. Избавиться от этих снов было невозможно. После таких сновидений утром вставал невыспавшийся, с головной болью. Только в 1968 г. что-то произошло в мозгу, страшные сны о войне прекратились и больше ни разу не повторялись. Вот такова была о моих четырех годах войны.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПОНОМАРЕВ

21 июня 1941 г. был выпускной вечер учащихся десятых классов Объячевской средней школы, я был в их числе. Торжественное собрание, напутствия и пожелания нам, выпускникам, со стороны директора, учителей, общественности, вручение аттестатов об окончании школы, получении среднего образования. Торжественный ужин, благодарственные речи моих товарищей по школе учителям за воспитание и напутствия, танцы до утра. Улыбки, смех и слезы, радость и грусть расставания с любимыми учителями, друзьями, подругами, товарищами; надежды на счастливую жизнь, получение высшего образования по избранной в школе в мечтах специальности, уверенность в светлом коммунистическом будущем Родины! Договорились с друзьями-товарищами встретиться в 11 часов 22 июня, послушать по радио последние известия о военных действиях между Германией и Англией-Францией (а мы, юноши, уже с 1939 г. подсознательно были на стороне Англии и Франции), обсудить события и идти домой пешком до Ношуля и далее до своих поселков и деревень к родителям.

В 12 часов 15 минут эфир донес до нас выступление В.М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на нас, Советский Союз, и начале войны. Нашему возмущению и гневу не было предела и границ. И вместе с тем была полная уверенность (не надежда!), что враг получит от нашей могучей, непобедимой Красной Армии должный отпор, будет разбит, война будет непродолжительной, всего несколько дней или, в крайнем случае, недель. И никто из нас даже не подумал об изменении своих планов на будущее. К сожалению, в вопросе о сроках и ходе войны мы глубоко заблуждались, хотя наша (я говорю о своих друзьях-однокурсниках) уверенность в разгроме врага, посягнувшего на мирный созидательный труд советского народа, его свободу и независимость, была непрелюдной, безусловной.

В июне был дома, в поселке № 8 Ношульского сельсовета в семье родителей. Работал вместе с ними в колхозе, на сельхозработках, готовился поступить в Горьковский университет. Внимательно и напряженно следил за ходом боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны. В беседах с тружениками колхоза горячо говорил о своей вере в нашу победу, несмотря на отступление Красной Армии, сдачу городов и сел. Считал, что отступление – временное явление, возможно преднамеренное, что появятся у нас современные Суворовы и Кутузовы.

В июле 1941 г. по рекомендации райкома ВЛКСМ был принят на работу в редакцию районной газеты «Сталинец» взамен ушедшего на фронт сотрудника, проработал там до призыва в Красную Армию в августе 1942 г. Военная жизнь для меня началась в городе Молотовск (ныне Северодвинск) Архангельской области, где был курсантом учебного запасного артиллерийского полка, проходил первоначальную учебно-боевую подготовку, познал солдатскую жизнь, налеты вражеской авиации (по ночам фашисты пролетали над городом бомбить Архангельск), приобрел военную специальность. Потом были землянки в лесах, в районе г. Коломна Московской области состоялось формирование отдельного 628-го артиллерийского полка РГК, потом – дорога на фронт в район Курска-Белгорода. На железнодорожной станции Щигры получил первое настоящее боевое крещение. Станции бомбили 18 немецких самолетов «Юнкерс-88». Пострадал и наш воинский эшелон с людьми, пушками и боеприпасами. Загорелись паровоз, вагоны со снарядами, орудиями, тракторами-тягачами. Грохот взрывов, бомб и снарядов, крики о помощи, стоны раненых. От взрывной волны выбило двери нашего вагона, я был контужен и получил небольшое ранение осколком. После налета вражеской авиации оставшиеся в живых и раненые солдаты были собраны и отправлены в близлежащее село Вязовое.

После отдыха, лечения пострадавших и пополнения нашего первого дивизиона личным составом и боевой техникой (орудиями, боеприпасами, тракторами и др.) наш дивизион, его солдаты и командиры пешком через степи отправились к месту назначения на Курской дуге (в стык 6-й гвардей-

Солдаты Победы. Крайний слева – И.В. Пономарев.

ской и 40-й армий Воронежского фронта). Участвовал в составе первого дивизиона 628-го артиллерийского полка в Курской битве летом 1943 г. в оборонительных и наступательных боях, в том числе в отражении атак немецких танковых дивизий и на Обоянском шоссе Белгород-Курск, в Прохоровском танковом сражении, в боях по отражению контратак немецких танков и пехоты под городом Богодухов, освобождения города Золочев и других населенных пунктов Харьковской области.

С боями прошел левобережную Украину до Киева. Затем наш полк освобождал Жмеринку (и получил название Жмеринского артполка РГК), Винницу, Каменец-Подольский и много других городов и сел правобережной Украины.

Прошел через многочисленные разрушенные, сожженные населенные пункты юго-запада России и Украины, видел и знаю горе, слезы и стоны мирных жителей этих мест. Участвовал в похоронах и проходах в лазареты, госпитали многих своих товарищей, друзей, однополчан. Памятны, забываемы тяжелые бои в Карпатах осенью 1944 г., где мы, наша теперь уже 135-я армейская артиллерийская бригада в составе 38-й армии Первого Украинского фронта взаимодействовала с частями, солдатами и офицерами Чехословацкого корпуса и совместно овладела Дуклинским перевалом. Это была братская помощь словацким повстанцам, боровшимся с гитлеровцами, оккупировавшими их родину. За активное личное участие в этой операции

нашей бригады я был награжден орденом Красной Звезды.

В завершающий период Великой Отечественной войны воевал в составе первого дивизиона все той же 135-й артбригады, ставшей армейской артиллерийской Жмеринской орденов Суворова и Кутузова бригадой, на территориях Чехословакии, Польши и Германии. Первого мая 1945 г. мы (имею в виду части Четвертого украинского фронта, в том числе и наша бригада) овладели крупным центром военной промышленности и очень важным стратегическим городом – Моравская Острава. За эту операцию и победу были награждены орденами и медалями многие солдаты и офицеры бригады, в том числе и я получил второй орден Красной Звезды.

Участвовал также в последней наступательной операции Четвертого украинского фронта и, естественно, нашей бригады – Пражской операции, начавшейся с овладения после сильнейшей артподготовки хорошо укрепленного города Оломоуц. Дальше двигались на Прагу при отчаянном сопротивлении немецких войск, отказавшихся сложить оружие, несмотря на Акт о безоговорочной капитуляции, подписанный верховным главнокомандованием Германии. Великая Отечественная война для меня и моих товарищей по бригаде закончилась только 11 мая в районе города Колин (под Прагой). За Пражскую операцию я был награжден от имени президента Чехословакии в 1946 г. чехословацкой медалью «За храбрость».

Была потом наша, солдат и офицеров бригады, обратная дорога на родину по Чехословакии, Польше, Западной Украине к месту постоянной дислокации части в город Чертков Тернопольской области и продолжения воинской службы. Восторженно и радостно, как победителей фашизма, встречали и приветствовали нас жители городов и сел Чехословакии. Но таких теплых встреч не было в Западной Украине. Здесь злобствовали, запугав местное население, банды украинских националистов, бандеровцев. Вместе с товарищами по оружию, солдатами и сержантами бригады мы вели борьбу, воевали с ними, охраняли мирный труд и свободу населения этих мест в 1945-1947 гг. Оттуда в 1947 г. я и был демобилизован и вернулся домой, в Прилузский район Коми АССР, к больной матери, старой бабушке, малолетним сестре и брату. И, несмотря на все трудности, невзгоды и испытания военных лет, в моей памяти это был один из самых счастливых периодов жизни.

СОЛДАТУ

**Я четко помню вой тревоги,
Разрывы бомб среди домов,
И бесконечные дороги...
Мы уходили от врагов.**

**Мы голодали, замерзали,
Переживали боль утрат,**

**Но никогда не сомневались
В тебе, российский наш солдат!**

**И ты не обманул, не предал
Своих детей, своих сирот.
Ты подарил нам всем Победу.
Об этом помнит наш народ.**

В.А. Мартыненко. 2005 г.

Валентина Михайловна Болотова (1894-1982)

Родилась в с. Новый Буян Самарской губернии. Одна из первых женщин-геоботаников в России, была первопроходцем в изучении растительности отдаленных районов нашей страны. Жизненный и творческий труд В.М. Болотовой включал дальневосточный период (1923-1939 гг.) и работу в Коми филиале АН СССР. Она много сделала для познания флоры и растительности малоизученных труднодоступных районов Дальнего Востока и Республики Коми, участвовала в подготовке макетов первых геоботанических карт по республике, дала первые обобщения по естественным лугам.

Является автором нескольких разделов монографии «Производительные силы Коми АССР», соавтором работы «Определитель высших растений Коми АССР», первым составителем библиографического указателя «Флора и растительность Коми АССР (1914-1955 гг.)». Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовую доблесть», «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда». В 1958 г. вышла на пенсию.

Елена Степановна Болотова

Родилась (1925 г.) в г. Владивосток в семье служащих. В 1942 г. окончила школу г. Сыктывкар. В 1943 г. поступила в Карело-Финский государственный университет (он был эвакуирован в Сыктывкар). В годы войны (1942-1943 гг.) работала на сплаве в Верхне-Вычегодской сплавной конторе. Участвовала в экспедициях Северной Базы АН СССР по изучению ботанического состава естественных кормовых угодий на территории Республики Коми, выявлению витаминсодержащих и лекарственных трав для нужд населения, работала в колхозах на уборке сельскохозяйственных культур. В 1944-1945 гг. участвовала в восстановлении пострадавшего от войны Петрозаводска. В 1949 г. после окончания университета по специальности «физиология растений» была направлена на работу в Коми филиал АН СССР. В 1949-1982 гг. – научный сотрудник Коми филиала АН СССР, заведующая лабораторией физиологии растений Института биологии (1967-1972 гг.). Исследовала продуктивность фотосинтеза и урожайность сельскохозяйственных растений на Севере, зависимость фотосинтеза от агротехнических приемов, разрабатывала агробиологические основы возделывания овощей в открытом и закрытом грунте, приемы агротехники сельскохозяйственных растений, способствующие получению высоких урожаев в условиях Севера. Опубликовала более 40 научных работ. Награждена медалью «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ Карело-Финской АССР (1949), Президиума АН СССР (1974).

Татьяна Ефимовна Борисова (1934-2012)

В годы войны работала в колхозе на сельскохозяйственных работах, зимой в лесопункте. В Коми филиале АН СССР работала с 1975 по 1992 г. уборщицей и дежурной бюро пропусков. Награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1986), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1993), «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (2010), благодарственным письмом Коми научного центра УрО РАН (1994).

Мария Ефимовна Вахнина (1928-2001)

Родилась в с. Микуш Коми АССР. Там же окончила среднюю школу, затем культурно-просветительское училище. В годы войны работала в колхозе «Пламя» Прилузского района на общих сельскохозяйственных работах (1942-1945 гг.). В Институте биологии Коми научного центра УрО РАН работала с 1974 по 1998 г. дежурным бюро пропусков радиобиологического корпуса. Награждена медалями «Ветеран труда» (1983), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1993), «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1995), Почетной грамотой Коми филиала АН СССР (1994).

Любовь Александровна Верхоланцева (1921- 2011)

Родилась в г. Пермь в семье служащих. В 1939 г. поступила в Молотовский (Пермский) сельскохозяйственный институт и в 1946 г. окончила его, специализируясь по агрохимии и почвоведению. С ноября 1941 по октябрь 1944 г. работала на оборонном заводе мастером. В 1946-1977 гг. – научный сотрудник Коми Базы АН СССР, Коми филиала АН СССР,

Института биологии. Почвовед. Исследовала почвенный покров припечорского бассейна. Соавтор почвенной карты зоны затопления и подтопления проектируемых водохранилищ планируемой переброски части стока рек Вычегда и Печора в бассейн Волги. Кандидат биологических наук. Впервые исследовала сезонную динамику водного и температурного режимов песчаных подзолов беломошных сосняков средней тайги. В 1967-1969 гг. заведовала лабораторией лесоведения и лесоводства. Автор более 30 научных работ. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «Ветеран труда», «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и почетными грамотами.

22 июня 1941 г. день выдался теплым и солнечным. Только что закончилась экзаменационная сессия, успешно сданы все экзамены. Настроение приподнятое, радостное и вдруг как гром среди ясного неба – война... В душе горечь и тревога за страну, за наш народ. В самые первые дни Великой Отечественной войны большинство ребят нашего сельскохозяйственного института ушли добровольцами на фронт, другие по призыву. Среди студентов, в основном, остались девчата.

На общем собрании института было решено: всем ехать в районы области для оказания помощи сельскому хозяйству. Для оставшихся в тылу студентов были организованы недельные курсы для работы на транспорте и комбайне. Мы с подругой решили освоить тракторы. Через семь дней нас посадили в телегу (автомашин тогда не было) и увезли в село Карагай (Пермская область), а затем – в деревню. В деревне было всего два трактора: «Беларусь» и газогенераторный «ХТЗ», работающий на древесном топливе. На тракторе Беларусь работал 18-летний мальчик, нам с подругой достался газогенераторный, который очень трудно заводился, чтобы завести его, нужно приложить большую силу. Несколько дней работали на тракторе под руководством тракториста, затем самостоятельно водили трактор, регулировали глубину вспашки. В поле работали от зари до зари. На тракторе работали до тех пор, пока одна из нас не заболела. Позже, до конца уборки урожая, оставались в колхозе. Вернулись с полевых работ в конце сентября, а главный корпус института занят под госпиталь и заполнен ранеными. Несколько кафедр института эвакуированы в здание Пермского университета. Занятия проводились в две смены.

Работали в деревне, до нас не всегда доходили вести с фронта. В начале же Великой Отечественной войны наши войска несли огромные потери. В то очень тяжелое и тревожное время каждому хотелось помочь Родине своим непосредственным участ

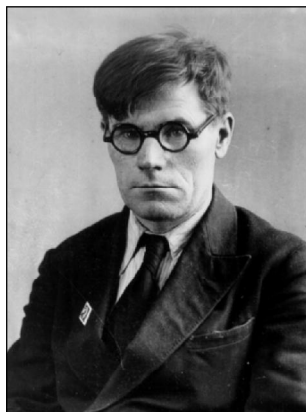
тием в борьбе с врагом. В ноябре 1941 г. я взяла академический отпуск на год (казалось, что года достаточно для победы, но мой отпуск растянулся на три года). Я поступила на один из оборонных заводов г. Пермь, в гальванический цех. Недолго работала помощником мастера, а затем – мастером.

Когда начальник смены знакомила меня с производством цеха у меня было такое впечатление, что я попала в ад: в воздухе едкие пары кислот, щелочей, в цехе сильный грохот, гул (наверху сборочный цех). Во время войны работали по 12 часов в сутки без выходных, отпусков и всякой компенсации. На моем участке работали 40 женщин и один мужчина. Труд женщин был нелегко, да и жизнь несладкая, у каждой дома четверо-пятеро детей, а мужа на фронте. Очень им было тяжело и голодно. Весь свой паек хлеба они отдавали детям. Сами довольствовались столовой похлебкой и кашей (конечно, без масла и на воде). Большинство рабочих жили в бараках нашего завода. Приусадебных участков не было, и для поддержания жизни детей женщины в свободное от 12-часовой работы время выкраивали часы для поездки в деревню, чтобы обменять кое-какие вещи на овощи. И никто не роптал. Все жили одной мыслью – о победе.

В 1944 г. Государственная граница СССР была восстановлена на всем протяжении. Наши войска шли победным маршем к Берлину. И я со спокойной душой вернулась в институт для продолжения учебы.

Дня Победы ждали со дня на день. Сутками не выключали радио. Наконец, 9 мая рано утром радостное сообщение – Победа! Радости не было предела. В нашей семье это была двойная радость – вернулся из госпиталя брат, хотя и израненный, но живой. 9 мая 1945 г. – день всеобщего ликования. Совершенно незнакомые люди при встрече поздравляли друг друга, пожимали руки, обнимались и целовались. Всюду из окон доносились музыка, пение, торжественные возгласы. Незабываемый на всю жизнь день.

Л.А. Верхоланцева

Андрей Алексеевич Дедов (1902-1964)

Родился в дер. Мальниха Плесецкого района Архангельской области в крестьянской семье. В течение 25-летней работы в Академии наук возглавлял ботанический, а затем биологический отдел и сектор геоботаники. Был участником и руководителем 24 экспедиций по европейскому Северо-Востоку. По результатам многочисленных исследований им написано 40 научных работ. Он вместе с коллективом ботаников Коми филиала АН СССР осуществил издание монографии «Производительные силы Коми АССР», написав разделы об основных чертах флоры и растительности Коми и дав характеристику равнинным тундрам. В 1962 г. А.А. Дедовым совместно с В.М. Болотовой, А.Н. Лашенковой и др. был издан «Определитель высших растений Коми АССР». Андрей Алексеевич также участвовал в создании геоботанической карты Коми АССР и в составлении первого тома сводки «Флора северо-востока европейской части СССР», который был издан в 1974 г. через 10 лет после его смерти. Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовую доблесть», почетной грамотой Президиума АН СССР.

Ия Васильевна Забоева

Родилась в г. Сыктывкар (1921 г.) в семье служащего. В 1941-1945 гг. училась на естественном факультете Коми государственного педагогического института. В годы войны на летних каникулах работала на лесосплаве в Максаковской, Трехозерной и Верхнечовской сплавных запанях по сплотке молевого леса в плоты, на Сыктывкарском лесозаводе по комплектованию штабеля лесосырьевых сезонных запасов. В 1946-1950 гг. училась в аспирантуре Коми Базы АН СССР по специальности «почвоведение». С 1951 по 2015 г. – научный сотрудник Коми филиала АН СССР, Коми научного центра УрО РАН, Института биологии. Заведующая лабораторией и отделом почвоведения (1953-1965 и 1985-1990 гг.), директор (1965-1985 гг.) и главный научный сотрудник Института биологии. Почвовед-географ. Выявила основные закономерности развития таежных и тундровых почв европейского Северо-Востока, дала генетическую диагностику автоморфных подзолистых и болотно-подзолистых почв, впервые выявила динамику гидротермических свойств северотаежных глееподзолистых почв, дала количественную и качественную оценку земельного фонда Республики Коми. Кандидат (1953) и доктор (1973) сельскохозяйственных наук, профессор по специальности «почвоведение» (2004). Опубликовала более 160 научных работ. Заслуженный работник науки и культуры Коми АССР (1964). Заслуженный деятель науки РСФСР (1984). Лауреат Государственной премии Республики Коми в области науки (2000). Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1946), «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (2010), двумя орденами Знак Почета (1966 и 1975), орденом Дружбы народов (1994). В 2014 г. И.В. Забоевой присвоено звание «Почетный деятель науки Республики Коми».

* * *

В школьные годы я мечтала стать врачом. Помню, когда была вместе с другими пионерами в Москве в 1937 г., с нами беседовала корреспондент «Пионерской правды». Мы ей рассказывали о своих мечтах – кто кем хочет быть, об этой беседе даже была заметка в газете. Но война перечеркнула мечты моего поколения. Школу я окончила в июне 1941 г., 21 июня был выпускной вечер нашего класса, 22 июня – война. Мы по молодости своей думали, что война будет недолгой и многие из нас отправили свои документы с заявлениями в различные институты страны, отправила и я – в Ленинградский I медицинский институт им. И.П. Павлова. Но документы каким-то чудом вернулись обратно, война уже шла. В нашем классе было 16 мальчиков, в живых осталось четверо, из педагогов-мужчин, ушедших на фронт, обратно не вернулся никто. С июля по октябрь 1941 г. все старшеклассники и выпускники заменили мужчин на молевом сплаве леса.

Школа № 1, где я училась, размещалась в Сыктывкаре в красивейшем здании бывшей женской гимназии. К сожалению, первую школу перевели в другое здание и по этой причине утеряны корни нашей школы. Я помню толпу ребят 23-25 июня перед зданием родной школы, многие попрощались друг с другом и очень многие не вернулись. Надо именно в этом корпусе старой первой школы запечатлеть имена тех, не вернувшихся с войны.

В октябре 1941 г. вместе с девушками-одноклассницами я поступила в Коми государственный педагогический институт на естественный факультет. В летнее время каникул у нас не было – работали на сплаве. Мы научились владеть багром – не только скатывали бревна с берегов, устраняли заторы и заломы, но и работали в запанях по сортировке и сплотке древесины, овладели техникой сборки бревен в пучки на специальных станках, из пучков формировали плоты, сами их шлаговали «цинкой» – это особый метод обвязки плотов, при этом приходилось часами быть в воде. Мы стали квалифицированными рабочими-сплавщиками.

Жили мы там же на запанях на плашкоутах (особый вид баржи), хлебные карточки нам давали по разряду рабочих – по 600 г в день – это спасало.

Мои годы учебы в институте совпали с военными годами. На факультете естествознания химию вел кандидат химических наук Иван Васильевич Попов. Мы любили химию, и в этом его заслуга. На старших курсах он организовал научный кружок по химии, и мы впервые стали приближаться к науке, он учил нас работать с научной литературой, дал первые навыки подготовки научных докладов. И это в тот период, когда послелекционное время студентов было полностью занято военным всеобучем. Все это заключалось не только в строевой подготовке. Мы изучали и боевое оружие, знали, как разобрать и собрать винтовку, умели стрелять из снайперской винтовки – нас готовили снайперами, устраивали соревнования по стрельбе. На учебном полигоне в районе Максаковки мы стреляли по заданной цели из ручного миномета. Я помню, как тогда меня поразила примитивность этого оружия, а ведь ручной миномет использовался на передовых позициях в боях с фашистами. Выходных дней не было – зимой в воскресные дни все студентки возили дрова на санках для своего родного института из Красного Затона – это расстояние около 5 км.

Учеба в институте была в те годы платная, и мне пришлось учиться и работать лаборантом на кафедре химии. Под руководством И.В. Попова я выполняла работу, имеющую в тот период важное практическое значение. Для ремонта сельскохозяйственной техники в машинно-тракторных станциях не хватало соляной кислоты, без которой невозможно выполнять паяльные работы. С Иваном Васильевичем мы собрали установку для получения соляной кислоты из поваренной соли, и я «гнала» эту кислоту, порой приходилось работать до позднего вечера. Нашу продукцию моментально разбирали для использования. Мы получили от этой работы огромное удовлетворение, так как видели,

как нужна была эта кислота в ремонтных мастерских. Материально эта работа, конечно, никак не оплачивалась. Лабораторные занятия по химии в зимний период проводить было особенно трудно, так как в кабинетах, лабораторных помещениях было очень холодно, замерзали химические растворы, иней покрывал стены лаборатории, приходилось работать в пальто. Иван Васильевич прилагал огромные усилия, чтобы в этих условиях поддержать поисковый дух студентов, помочь выполнить практические задания.

Иван Васильевич остался в моей памяти не только как высококвалифицированный специалист, прекрасный педагог, но и как человек глубокой внут-

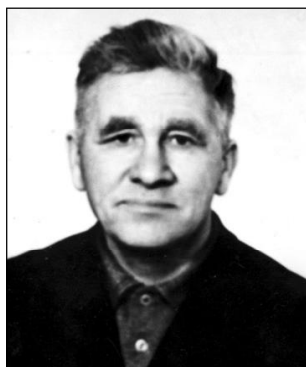
ренней культуры. Он никогда не повышал голоса на студентов. Время было трудное, тревожное, но он не допускал скидки на трудности переживаемого момента. По окончании института каждый из нас получил диплом, дающий право быть преподавателем естествознания и химии в средних школах. Но Иван Васильевич не только вложил в нас знания по химии, он, будучи широко образованным человеком, развил в нас стремление постоянно пополнять свои знания, не останавливаться на достигнутом. И хотя прошло уже много лет с тех пор, меня не покидает чувство глубокой благодарности этому человеку, всегда готовому помочь в трудную минуту, за его доброту, терпение.

И.В. Забоева

Ольга Степановна Зверева (1901-1967)

Родилась в г. Воронеж. В 1919 г. поступила на естественное отделение физико-математического факультета Воронежского университета, где специализировалась по зоологии беспозвоночных и гидробиологии, одновременно работая в должности сотрудника Зоологического музея университета, ведя практические занятия со студентами, участвуя в научных экспедициях. В 1925 г. после окончания университета поступает на работу в качестве ассистента в Сибирскую научно-рыбохозяйственную станцию (г. Красноярск), где заведует гидробиологическим кабинетом и проводит исследования р. Енисей и озер Сибири. В 1935-1938 гг. работает в Архангельском водорослевом научно-исследовательском институте, изучая биологию водорослей Белого моря. С 1939 г. она переходит на работу в Верхне-Волжскую базу АН СССР (пос. Борок Ярославской области), где специализируется как фаунист по группе хирономид. С 1941 г. ее научная деятельность связана только с Республикой Коми, куда она переезжает с переводом в г. Сыктывкар Северной базы АН СССР, которая позднее становится Коми филиалом АН СССР. Автор более 80 научных работ. Награждена медалью «За трудовую доблесть», почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР.

Игорь Дмитриевич Кильдюшевский (1910-1974)

Родился в Омске в семье ветеринарного врача. В 1929-1932 гг. обучался на геобиофакультете Казанского государственного университета, сдав экзамены сразу за II и III курсы. Увлечшись Севером, по окончании университета поступил на работу в отдел северного землеустройства НКЗ РСФСР (позднее Министерство сельского хозяйства и заготовок РСФСР). В мае 1953 г. перешел в Ботанический институт АН СССР и в том же году защитил кандидатскую диссертацию «Растительность южной части полуострова Малый Ямал». В феврале 1969 г. был избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника лаборатории геоботаники и систематики растений Института биологии Коми филиала АН СССР, где под его руководством и при его непосредственном участии началось планомерное изучение бриофлоры республики. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Клавдия Петровна Козлова

В годы войны работала в колхозе им. Седьмого Октября дер. Большой Кожмудор Усть-Вымского района. В Коми филиале АН СССР работала с 1959 по 1974 г. бригадиром полеводства Вильгортской научно-экспериментальной биологической станции. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1975) и «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1995), нагрудным знаком «Победитель социалистического соревнования 1986 г.».

Нина Степановна Котелина (1925-2004)

Родилась в с. Турья Княжпогостского района Коми АССР в семье служащих. В 1943 г. окончила среднюю школу в Сыктывкаре. В годы войны (1941-1943 гг.) в летние меся-

цы работала на сплаве в Максаковском сплавно-рейде. В 1943 г. поступила на биологический факультет Карело-Финского государственного университета, который окончила в 1948 г. по специальности «геоботаника». Студенткой участвовала в восстановлении разрушенного Петрозаводска. В 1948-1952 гг. училась в аспирантуре Коми филиала АН СССР.

Кандидат биологических наук (1954). В 1953-2004 гг. – научный сотрудник Коми филиала, Коми научного центра, Института биологии. В 1962-1982 гг. – заведующая лабораторией геоботаники и систематики растений. Исследовала динамику луговой растительности долины р. Вычегда, разработала приемы улучшения естественных лугов, дала рекомендации для восстановления растительности на техногенно нарушенных участках пойменных лугов. Опубликовала более 200 научных работ. Награждена почетными грамотами Совета Министров Коми АССР (1969), Президиума АН СССР (1974). Заслуженный деятель науки и культуры Республики Коми (1975).

Гелий Дмитриевич Кутькин (1927-2013)

Родился в 1927 г. в с. Зеленец Сыктывдинского района. С 1941 по 1943 г. работал в колхозе «Октябрь» в местечке Кочпон. Прошел обучение в 10-й артиллерийской спецшколе. В Институте биологии работал в 1995-2005 гг. Награжден медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», юбилейными медалями «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «65 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Елизавета Степановна Кучина (1896-1977)

Родилась в семье поморов-мореходов Архангельской губернии. Окончила биологическое отделение физико-математического факультета Петроградского университета, получив специальность гидробиолога-ихтиолога. С 1941 г. работала в Сыктывкаре в Коми Базе АН СССР, Коми филиале АН СССР старшим научным сотрудником. Кандидат биологических наук, ихтиолог-исследователь северных водоемов. Автор 44 работ, многие из них находятся в фондах Коми научного центра. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За трудовую доблесть».

Анна Викторовна Ластовка (1920-2012)

Родилась в с. Чухлом. Работала в Институте биологии Коми НЦ УрО РАН дежурным бюро пропусков в 1993-1997 гг. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», почетными грамотами.

* * *

Великая Отечественная война для меня началась в тот день, когда я готовилась к госэкзамену по физике в Коми государственном педагогическом институте. После сдачи всех экзаменов работала на сплаве в Слободском рейде почти до конца августа 1941 г. Получила диплом и была направлена учителем физики и математики в междорскую неполную среднюю школу, где работала с августа 1941 г. по октябрь 1944 г., затем уехала на лечение в Сыктывкар. Мы после уроков вместе с учащимися помогали колхозу, выполняли всякие работы, которых весной, летом и осенью особенно много на полях и лугах. Работали организованно. Деревенские дети приучены к работе с детства. Я сама была уже взрослая, знала все трудности работы еще дома. Дети хорошо слушались, были трудолюбивыми. Выпускали стенгазеты и боевые листки. Учителя были агитаторами, и колхозники ежедневно знали о всех событиях. Ставили спектакли с детьми и взрослыми. Зимой ездили с постановками к лесорубам. Мы, девушки села, прошли 110-часовую программу Всеобуча. Научились стрелять из боевой винтовки, ползать... Многих девчат наших призывали в армию, т.е. на войну. Все мы получили справки, моя оценка по стрельбе – «отлично».

соревоновались. Много трудовой заработали, нас благодарили. После работы ежедневно сообщали о заработанных трудовнях через боевой листок не только учащимся, но и колхозникам. За хорошую работу получила из Москвы премию (300 руб.) и Почетную грамоту ЦК ВЛКСМ. Эта награда самая ценная для меня (храню).

В 1944 г. после школы также работали, помогали колхозу. Работы были и тяжелые, и полегче, но я заболела (в деревне говорили «пуп содрала», надорвалась), даже бабки «поправляли», но улучшения не было. Направили в республиканскую больницу, где лежала почти два месяца. Я написала в Москву о себе, просила помощь, мне сразу дали путевку в г. Железноводск в санаторий «Светлана». После этого санатория дали маленький отдых, а потом путевку в другой санаторий, где меня основательно вылечили, но сказали не поднимать тяжести два-три года. Так я и делала, снова стала здорова. Возвратилась домой в апреле, а там и конец войны – такая радость!!! Меня назначили в родную Чухломскую неполную среднюю школу учителем физики и математики и завучем, где работала до ноября 1952 г., а потом переехала в г. Сыктывкар.

А.В. Ластовка

Ариадна Николаевна Лащенко (1911-1991)

Родилась в Петербурге в семье служащих. После окончания средней школы (1928 г.) училась в Ленинградском сельскохозяйственном институте, который окончила в 1931 г. Работала техником в совхозе и экскурсоводом в краеведческом музее (1931-1935 гг.), ассистентом кафедры ботаники Ленинградского сельскохозяйственного института, младшим научным сотрудником Кольской Базы АН СССР в г. Мурманск (1940-1941 гг.). С 1941 по 1970 г. – научный сотрудник Коми Базы АН СССР, Коми филиала АН ССР, Института биологии. В 1942-1944 гг. участвовала в проведении почвенно-геоботанического изучения 10-километровой полосы вдоль Печорской железной дороги и составлении геоботанической карты масштаба 1:200000. Были получены новые данные о флоре и растительности на ранее не изучавшихся территориях, более точно установлены границы подзон тайги, определены северные границы распространения древесных пород на территории Коми АССР. С 1944 г. участвовала в изучении растительности нескольких малоизвестных в геоботаническом отношении районов республики. После обобщения материалов она составила первую геоботаническую карту, включенную в Атлас Коми АССР (1964 г.).

В последующие годы участвовала и в составлении «Карты охраны растительного мира Нечерноземной зоны РСФСР» (1980 г.) и карт ареалов отдельных видов растений для Атласа европейской флоры (Atlas Florae Europaeae). Для многотомной монографии «Производительные силы Коми АССР» (1954) написала разделы о лесах для тома «Растительный мир». Итоги многолетних флористических исследований А.Н. Лащенко были обобщены в четырехтомной сводке «Флора северо-востока европейской части СССР», изданной в 70-е годы. Она провела большую работу и по составлению карт ареалов, а также была секретарем редакции всех томов. Автор более 90 опубликованных и рукописных работ. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1946) и «За трудовое отличие» (1953), орденом «Знак Почета» (1976). Участие в выставках отмечено бронзовой (1973) и серебряной (1977) медалями ВДНХ. Кандидат биологических наук (1956).

Надежда Михайловна Лихачева (1925-2003)

Родилась в с. Ловля Лепецкого района Коми АССР. Там же в 1941 г. окончила семь классов средней школы. С 1965 по 1994 г. – комендант лабораторного корпуса и дневной дежурный радиобиологического корпуса Института биологии Коми НЦ УрО РАН.

Анна Александровна Мартюшова

Родилась в 1932 г. в с. Пажга. В 1967 г. окончила Сыктывкарский сельхозтехникум по специальности «Агрономия». В 1956 г. поступила на работу в отдел биологии растений Коми филиала АН СССР сначала в должности препаратора, а затем лаборанта. С 1972 г. переведена в дирекцию Института биологии сначала секретарем, а затем заведующей канцелярией. В 1987 г. вышла на пенсию.

Клара Иосифовна Маслова (1924-2012)

Родилась в Ленинграде в семье служащих. В 1948 г. окончила Московский пушно- меховой институт по специальности «товароведение животного сырья». В 1948-1949 гг. работала охотоведом Читинского областного потребительского союза (г. Чита), в 1949-1952 гг. – товароведом Коми конторы «Заготживсырье» (г. Сыктывкар). В 1952-1955 гг. – учеба в аспирантуре Коми филиала АН СССР по специальности «животноводство». В 1955-1958 гг. – научный сотрудник отдела животноводства и зоологии Коми филиала АН СССР, 1959-1982 гг. – научный сотрудник отдела радиобиологии Института биологии Коми филиала АН СССР. Кандидат сельскохозяйственных наук (1962). Радиобиолог-гистолог. Изучала изменчивость популяций животных в районах повышенной естественной радиации. Автор более 50 научных работ. За участие в оборонительных работах под Москвой награждена медалью «За оборону Москвы».

* * *

Во время войны я жила в г. Серпухов, где прошло мое детство и юность. Серпухов – это древнерусский город с фабрично-текстильным и немного патриархальным образом жизни. Но за годы Советской власти он стал не только текстильным центром, но и городом с развитой индустрией.

В начале июня 1941 г. мне исполнилось 17 лет. Мы, девятиклассники, с нетерпением ждали окончания строительства новой школы-десятилетки, так

как нам надоели помещения, приспособленные под школу. Однако летние каникулы в тот год нас не очень радовали. Какая-то неясная тревога носилась в воздухе. Настоящий шок у горожан вызвало сообщение по радио 22 июня о начале войны с фашистской Германией. Началась паника, никто не знал, как себя вести в создавшейся ситуации. Панику усиливали листовки, сбрасываемые немцами с самолетов (пока только листовки). Началась массовая эва-

куация людей из города. Этой неразберихе был положен конец после выступления И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г. В этой речи были ответы на многие вопросы, волнующие людей, в том числе и на тот, почему эта война была необычной. Он сказал: «Это не просто война двух враждующих армий, это война всего советского народа против немецко-фашистских войск. И ее целью является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом фашизма». В конце выступления звучала директива «В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом».

У всех, кто слушал эту речь, невольно возникал патриотизм небывалой силы. Мы, девятиклассники, хотели сразу же идти на фронт, но нам предстояло немного подрасти. Решение молодежь принимала самостоятельно. Я сразу же записалась на курсы автоматчиков. Проучилась всего неделю, а затем по указанию горкома комсомола была зачислена в первую комсомольскую бригаду в помощь ополченцам, работающим на оборонительных сооружениях в районе р. Ока – это 3 км от центра города. Мне выделили группу из 17 человек, назначили старшей и поручили вести ежедневную политинформацию о положении на фронтах. В группе комсомольцев было всего семь человек, остальные 10 человек оказались колонистами. Это были молодые ребята в возрасте до 15 лет из детской колонии, где они отбывали срок за разбой и хулиганство. В нашу задачу входило рытье траншей определенной ширины и глубины. Длина траншеи являлась той нормой, которую мы обязаны были выдать за рабочее время. Местом работы был левый берег Оки, недалеко от главного стратегического узла – железнодорожного моста через Оку. Всем было понятно, что красавец-мост – ключ к городу. Он был надежно заминирован, зорко охранялся и за него постоянно шли бои. Немцы уже были в 6-7 км от города.

В районе моста взрослые рыли противотанковые рвы, и их позиция была намного опасней нашей. Открытая местность, большое скопление народа – весьма удобная мишень для обстрела противником с правого берега Оки. Мы же, молодежь, прятались от обстрела, и особенно от бомбежек, под пологом хвойного леса – это бывшая парковая зона отдыхающих по воскресным дням горожан, именуемая «Серебряный бор». В перерывах между бомбежками мы помогали выносить раненых, и здесь наши ребята-колонисты были хорошими помощниками. Но иногда у нас с ними были серьезные конфликты, они изводили своим нестандартным лексиконом не только нас, но и соседей по участку. Однажды даже пришлось пожаловаться их вестовому, который привозил и увозил их на крытом грузовике. С его стороны прозвучала четкая команда: «Услышу жалобу еще раз, лишитесь пайки хлеба». С хлебом тогда была напряженка, мы, комсомольцы, получали по карточкам вместо хлеба зерно. Родители парили его в чугунных горшках и скармливали нам на завтрак. Мы росли под огнем злыми и голодными,

но ни минуты не сомневались, что Победа все равно скоро придет. А немцы на нашем участке уже просматривались в полевые бинокли. Мы наблюдали за их передвижением на том берегу Оки. Видели, как они рубят яблоневые деревья и жгут из них костры. Осень в 1941 г. выдалась на редкость холодной, но жечь костры надобности не было: земля горела от постоянных бомбежек.

Конец сентября–начало октября – самое тревожное время не только для нашего города, но и для всей страны. В это время уже вся территория Белоруссии была оккупирована немцами, шли кровопролитные бои за Смоленск, за Тулу. Немец рвался к Москве – а эти города были цитаделью московского направления. Оружейники Тулы отразили натиск врага, не впустили в город. Немцы пошли в обход Тулы через Серпухов, но и здесь им пришлось не наступать, а обороняться. Молниеносная война, так называемый блицкриг, забуксовала, а город жил. Работали фабрики, заводы и учреждения. Он был забит армейскими госпиталями, медсанбатными подразделениями. Ежедневно в город поступало до тысячи раненых, их оперировали, распределяли по госпиталям, многих эвакуировали. Моя мама в то тревожное время работала то санитаркой, то медсестрой в больнице им. Семашко. Практически мы виделись с ней только по утрам, когда я прослушивала и записывала урывками утреннюю информацию о состоянии на фронтах, чтобы донести их до своих подопечных.

А новости в то время были не очень-то утешительными, повсюду кровопролитные бои, немцы все ближе к Москве. Истребительные батальоны нашего города неоднократно ликвидировали попытки немцев проникнуть в город, но эти вылазки продолжались постоянно. Об одном эпизоде просачивания немцев в город, случившемся еще во время наших земляных работ, следует рассказать особо. В Серпухове базировалась колонна наших танков. Из Москвы пришел приказ перебросить тридцатьчетверки на другое направление. Только один танк был оставлен для охраны штаба армии. Штаб вскоре преобразовался, необходимость его охраны отпала, и танк нацелился догонять своих. Заехав на главную площадь Серпухова, танкисты решили зайти в парикмахерскую. Только зашли, вбежал вестовой с приказом – командиру срочно явиться к комбригу. Оказалось, немцы прорвали оборону и движутся в город со стороны Висакинецей. Приказ командиру танка – задержать колонну немцев до подхода пехоты. Танк помчался навстречу врагу, замаскировался в лесном массиве, подпустил немцев как можно ближе и несколькими залпами вывел из строя два противотанковых орудия, а затем, пользуясь паникой врага, бросился в гущу колонны, смял штабную машину, разметал мотоциклистов и уцелел благодаря подоспевшей пехоте. Эта новость дошла до меня не сразу, но когда все подробности были сказаны во время очередной политинформации, наши колонисты так бесились от радости – куда там до них сегодняшним фанатам футбола...

Наши работы закончились 20 октября. В это время наша оборонительная линия стала фронтовой

полосой. Продолжались бомбежки, продолжался артиллерийский обстрел города из дальнобойных орудий. Две улицы города, прилегающие к р. Нара, были напрочь уничтожены, разбиты кинотеатр, церковь, линия электропередач, железнодорожный мост и многое другое. Мой дом пострадал незначительно. Взрывной волной выбиты рамы в окнах и сорваны с петель двери. Но люди не переставали верить в победу над врагом. Эту уверенность поддерживал и проведенный парад военных подразделений 7 ноября в честь 24 годовщины Октября у стен Кремля. Прямо с парада бойцы шли сражаться за Москву, за Родину. А враг стоял уже у ворот Москвы: и с севера, и с юга, и с запада. На северном направлении от Москвы немцами был захвачен Клин, это всего в 50 км от Москвы. Серпухов продолжал защищаться, сдерживая продвижение врага к столице, заставляя его перейти к обороне.

А за это время к Москве были подтянуты наши войска с востока, появилась возможность перебазировки внутренних войск. Это давало передышку войскам в конце ноября–начале декабря. Наши войска перешли в долгожданное наступление. Это было очень нелегко. Армия Гудериана насчитывала под Москвой 600 танков, 1214 орудий, 77 тысяч штыков и 300 самолетов. Вся эта военная машина была вынуждена под напором наших войск пятиться назад.

В это время мы в своем Серпухове впервые сели за парты в своей новой школе, которая, к счастью, уцелела. Необычная война отодвинулась от стен Москвы и моего города, однако окончания войны пришлось ждать еще целых четыре года. В это время я уже была студенткой-старшекурсницей Московского пушно-мехового института. У меня появился жених, студент этого же института В.И. Маслов, бывший старший лейтенант, а теперь инвалид войны второй группы. Мне захотелось привезти его в Серпухов и познакомить с мамой и родственниками. Он согласился. Серпухов на него произвел хорошее впечатление. Мы посетили места прошедших боев, краеведческий музей – одну из достопримечательностей города до войны. Музей был открыт еще в 1923 г., в нем экспонировалось множество художественных ценностей, а теперь он хранил материалы о войне. Детально познакомившись с этим ма-

териалом, мы многое узнали о ходе сражений под Серпуховым и о людях, защищавших Москву на этом направлении.

Оказалось, что героический танк под командованием Дмитрия Федоровича Лавриненко, не допустивший прорыв врага в город, участвовал еще в 28 боях под Москвой и вывел из строя 52 вражеских танка и покалечил немало другой вражеской техники. Герой-танкист погиб, а его товарищи по тридцатьчетверке дошли до Берлина. Тогда же мы выяснили, что непосредственной защитой Серпухова руководил генерал-лейтенант Захаркин. Под его командованием 60-я стрелковая дивизия народного ополчения, составляющая правое крыло 49-й армии, упорно сдерживала врага у стен города, заставляя его перейти к глухой обороне.

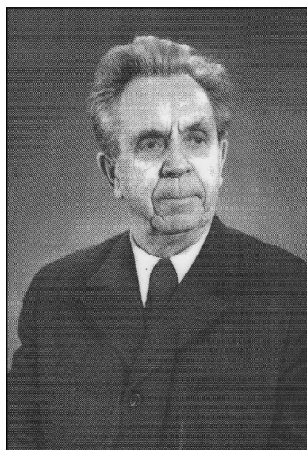
Именно в это время были подтянуты войска с востока. В числе этих войск, оказалось, был и мой жених, а позднее мой муж Всеволод Маслов. Он сражался под Москвой совсем недалеко от Серпухова, в каких-то 200-300 км от него. Это было последнее его сражение. Ранение вывело его из строя защитников Родины и унесло его мечту о карьере военного. Забегая далеко вперед, скажу, что воинская доблесть в этом человеке оставалась с ним всегда. Всеволоду Ивановичу Маслову не раз приходилось сражаться, но теперь уже за науку, которой он посвятил свою жизнь без остатка. Ветеран войны с покалеченной судьбой, он нашел в себе силы возглавить новое научное направление, сумел организовать вокруг себя коллектив таких же энтузиастов, привлек и активизировал внимание к радиоэкологии не только ученых всей страны, но и за рубежом. Он был энергичен и неутомим, этот прекрасной души человек, беззаветно любящий свою работу и окружающих его людей. Мы, все сотрудники его отдела, относились к нему с большим уважением, а его командный голос и артистический смех до сих пор хранятся в наших сердцах.

Мои воспоминания о необычной войне 1941 г. перекинулись уже на время, далеко ушедшее от войны, но забыть о ней невозможно. Хочется особо подчеркнуть необычной силы патриотизм у людей того времени. Но самое удивительное в том, что этот дух патриотизма остается у ветеранов на всю их оставшуюся жизнь.

К.И. Маслова

Константин Алексеевич Моисеев (1904-1985)

Родился в с. Пяша Сердобского района Саратовской области. Там же в 1932 г. окончил среднюю школу. В 1930 г. после окончания Саратовского сельскохозяйственного института работал в Москве, Казахстане, Туркмении, Ленинграде, Кировске. С 1941 г. – научный сотрудник Базы АН СССР по изучению Севера (г. Сыктывкар), ученый секретарь Коми Базы АН СССР и заведующий сектором растительных ресурсов Биологического отдела (1944 г.), заместитель директора Института биологии и заведующий лабораторией интродукции и геоботаники растений (1962 г.), заместитель председателя президиума Коми филиала АН СССР (1966-1970 гг.), заведующий лабораторией интродукции растений, которую он возглавлял до конца своей жизни. Специалист в области интродукции растений. Доктор сельскохозяйственных наук (1970). Опубликовал 173 научные работы, в том числе 10 монографий. Награжден (1946) медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За трудовую доблесть», орденами Знак Почета (1953 и 1974), Трудового Красного Знамени (1966). Работы в составе авторского коллектива отмечены серебряной (1964) и бронзовой (1973) медалями ВДНХ, премией Совета Министров СССР (1984). Заслуженный деятель науки и техники Коми АССР (1962).

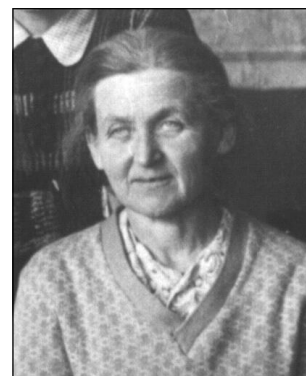
Ольга Афанасьевна Полынцева (1906-1951)

Родилась в г. Енисейск Красноярского края в семье служащего. После окончания средней школы в 1925 г. поступила в Сибирский сельскохозяйственный институт на лесной факультет. В августе 1941 г. в составе Кольской Базы АН СССР была эвакуирована в Сыктывкар. В 1941-1943 гг. совместно с группой специалистов под руководством Е.Н. Ивановой проводила почвенные исследования 10-километровой полосы вдоль строящейся железнодорожной трассы Воркута–Котлас в целях выявления перспективных участков для создания новых сельскохозяйственных баз. В 1944 г. возглавила сектор почвоведения. С 1946 г. руководила исследованиями по составлению почвенной карты Республики Коми масштаба 1:1000000. Автор более 50 работ по вопросам географии и генезиса почв, их эффективного использования в сельском хозяйстве. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», почетной грамотой Президиума АН СССР в связи с 220-летием АН СССР.

Ольга Сергеевна Полянская (1882-1978)

Родилась в г. Симбирск (ныне Ульяновск), окончила два высших учебных заведения и получила специальность геоботаника и ботанико-географа. Кандидат биологических наук. Научно-исследовательской работой в академических учреждениях занималась более четверти века, в том числе 18 лет в Ботаническом институте АН СССР (1921–1939 гг.), с 1939 г. была руководителем кормовой группы биологического отдела в Кольской Базе АН СССР. В 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны эвакуировалась в Коми Базу АН СССР, где проработала до 1947 г. По прибытии в Сыктывкар сразу же подключилась к работе по поискам зимних оленьих пастбищ. В 1942-1943 гг. руководила работами по изучению растительного покрова в зоне 10-километровой полосы, примыкающей к строящейся железной дороге Котлас–Воркута. В результате была составлена для этого участка первая геоботаническая карта (М 1:500 000). Награждена малой серебряной медалью Всесоюзного географического общества, орденом Знак Почета, почетной грамотой Президиума АН СССР и грамотами Ботанического института АН СССР.

Антонина Алексеевна Поповцева (1920-2006)

Родилась в с. Шипицино Котласского района Архангельской области в семье служащего. В 1938 г. окончила среднюю школу в Сыктывкаре и поступила в Ленинградский текстильный институт на технологический факультет. В 1942 г. по ледяной трассе Ладожского озера была эвакуирована на Большую землю. В 1942-1943 гг. – старший лаборант Северной Базы АН СССР. В 1954 г. окончила Московский текстильный институт. В 1955-1980 гг. – научный сотрудник Коми филиала АН СССР. В 1962-1980 гг. – заведующая лабораторией химии и физики почв Института биологии. Высококвалифицированный химик-аналитик, заложила основы химико-аналитической базы лаборатории почвоведения. Разработала методическое руководство по ускоренному анализу золы растений. Эту методику широко используют в аналитической практике. Опубликовала 19 научных работ. Награждена медалью «За оборону Ленинграда», почетными грамотами.

* * *

Ленинград... Перед войной много говорилось, что фашисты готовят войну. В Ленинграде у нас в институте в полуподвальном помещении, где была столовая, сделали толстые деревянные ставни. На фабрике технических сукон мы проходили в мае практику, широкие окна начали закрашивать синей краской. Были учебные тревоги. И все же начало войны застало нас врасплох. Все студенты изъявили желание идти на фронт добровольцами. Девушек не взяли, а ребята сразу же ушли. Я училась на курсах медсестер без отрыва от учебы, окончание курсов форсировали. На фронт не призвали, сказали, что пока не нужны.

В Ленинграде было объявлено военное положение, по вечерам хождение по пропускам. Город вскоре после объявления войны построжел. Мало было людей на улицах. Весь июль и половину августа мы почти все время находились под Ленинградом – рыли окопы, рвы. В августе работали в госпитале, дежурили в ПВО на крышах домов или улицах, где приказывали. В начале войны фашисты мало бомбили город. А вот с августа бомбежки усилились.

В сентябре-октябре так бомбили все время с небольшими перерывами. Особенно страшными были бомбежки ночью. После взятия города в блокаду сразу же сбавили норму хлеба до 250 грамм. Город жил тревожной жизнью. Но надо отдать справедливость: в Ленинграде паники не было. На улицах народа почти не было. В августе из всех военных училищ собрали военных и с музыкой по Невскому проводили на фронт. Шли не один час. Тяжело было на сердце. Ведь знали, что это значит. В сентябре у нас еще пытались начать занятия в институте, но недели две читали лекции и прекратили.

При лаборатории аналитической химии была организована спецлаборатория по производству самовозгорающихся запалов для бутылей с горючей жидкостью для борьбы с танками. На работу взяли студентов четвертого курса. Работали ночами, так как трудно было с газом, электричеством. Днем отдыхали, дежурили в ПВО. Ели один раз в столовой. И больше ничего. Во-

допровод не работал, ходили за водой на Неву, а какая у студентов была посуда – чайник и все. В ноябре-декабре было уже холодно и бомбежки стали реже, но начался методический обстрел из дальноточных орудий. Норму хлеба все сбавляли и сбавляли и дошли до 125 грамм. По рабочей карточке давали норму 250 грамм. Мы, работающие, приравнивались к рабочим. В комнате у нас от бомбежки сломались стекла, и окна были заколочены фанерой.

В декабре нас отправили под Пулковку рыть траншею. Взрывали землю, а мы из траншей ее выбрасывали. Сил было мало. Я стала ощущать слабость. В лаборатории уже не работали, так как наступление на Ленинград прекратилось, и было перепроизводство запалов. Как мы жили... Трудно сказать. Медленно тлели. В феврале через Ладожское озеро стали вывозить Ледовой трассой население. И нам, студентам четвертого курса, в первую очередь дали эвакуалисты.

Пешком шли до вокзала, потом на поезде до ст. Кобона, а оттуда на грузовиках через озеро. Одеты мы были плохо. Я обморозила щеки и руки. К счастью, нас не бомбили. А в некоторые машины попали бомбы. Нам повезло. А потом в товарных вагонах повезли на Вологду. От дистрофии у меня начался понос, и я очень ослабла. Ко всему у меня еще отказали ноги, я их не чувствовала. Из Вологды отправили в Харовское, и я там лежала две недели. Поправилась, благодаря уходу подруг, и поехала домой. Когда я приехала к родным, то меня они не узнали. Только когда я сказала, что я – Тоня Низовцева, мама заплакала. Вот такая моя история с блокадой Ленинграда.

Москва... После эвакуации из Ленинграда я, оправившись от дистрофии, поехала продолжать учебу в Москву. Только в Ленинграде и Москве в Текстильных институтах был химико-технологический факультет. Москва меня поразила: разрушенных домов нет (или почти нет), только вблизи нашего института на Донской улице и недалеко от Калужской заставы врыты в землю чуйки («ежи»). В городе работают театры, кинотеатры, В октябре мы пошли в кинотеатр, и вдруг сообщают в передаче (была такая – «В последний час») – освобожден город Киев, и в честь этого события был первый салют.

Учеба в институте была напряженной, ведь мы, «ленинградцы» (в группе собралось 10 человек), не учились два года, и нелегко было входить в учебный процесс. Кроме того, мы помогали институту в хозяйственных делах, заготовке топлива (были грузчиками) и др. В июне 1944 г. утром передали по радио обращение к населению города, что сегодня по маршруту (его назвали) пройдут пленные немцы. Обращались к населению с просьбой, чтоб вели себя корректно, не допускали грубости по отношению к пленным. Передачу повторили несколько раз, и не зря: у народа была такая ненависть к немцам.

У многих родные и близкие погибли на фронте. Недалеко от Большой Калужской улицы мы с утра заняли место и ждали появления колонны. Сколько было народу – весь тротуар сплошная толпа.

И вот в глубокой тишине идет колонна немцев, охраняемая тремя заслонами солдат, причем один заслон – солдаты верхом на лошадях. Все, вероятно, видели эту передачу. По телевизору ее повторяли много раз. Тишина, ни крика, ни гневных возгласов, только многие женщины плачут, вспоминая своих погибших родных. Так в безмолвной тишине прошли эти немцы, впереди генералы и полковники, сопровождаемые гневными взглядами людей на тротуарах. После того, как колонна прошла, москвичи еще не сразу разошлись, делились друг с другом. Весь остаток 1944 и начало 1945 г. часто, если не ежедневно, по радио в передаче «В последний час» передавали сообщения о том, что освободила наша армия. И вот 2 мая 1945 г. в этой передаче сообщили, что Берлин пал. Какая это была радость! После этого уже ждали окончания войны.

И все же было неожиданно, когда 9 мая в четыре часа утра (а радио начинало обычно работать в шесть часов утра) прозвучал торжественный голос Левитана: «Война окончена». Что тут началось в общезнание! Студенты вышли из комнат, поздравляли друг друга, целовались, плакали, обнимались. Все по-разному вели себя – кто пел, кто декламировал, кто плакал от радости. А потом пошли к центру Москвы, на Красную площадь. К вечеру на Красной площади и прилегающих к ней улицах было очень много народу. Такое впечатление, что вся Москва собралась здесь.

В небе на азоростате висел освещенный светом портрет Сталина на полотне. Шумели, пели, плясали, обнимались друг с другом. И так весь вечер. В 19 часов был грандиозный цветной салют, то ли из 24, то ли из 12 артиллерийских залпов. И очень, очень было красиво. А по радио – музыка, песни. Какие хорошие душевные были песни. И так до ночи. Домой шли пешком, в центре не ходил общественный транспорт, вход в метро закрыли, чтобы избежать давки. Пробирались через толпу, теснота была такая, что у нас одна студентка потеряла туфлю, проталкиваясь через толпу. Наша ей, инвалиду войны, хромой на одну ногу, благодарностью – мы собрали деньги и купили ей в подарок пару туфель.

Я тогда работала над дипломным проектом, но не могла дня три сесть за работу в этом эйфорическом состоянии и настроении. В Москве появилось на улицах много Героев Советского Союза. Как-то я разговорилась с одним из них, и он сказал, что их собирают на парад Победы. И вот 24 июня был назначен парад Победы, а после прохода военных – демонстрация москвичей. День был пасмурный, но мы этого не замечали. За время войны так соскучились от отсутствия праздников, что не надо было агитировать идти на демонстрацию. От нашего института была большая колонна студентов и преподавателей. Накрапывал дождь, а мы шли и шли по Якиманке к Красной площади и дошли до Малокаменного моста. Дождь все усиливался, а у моста стояла милиция, и нас дальше не пустили. Мы еще пытались прорваться и какое-то время не расходились. Мы были недовольны, что нам не дали пройти по Красной площади.

Началась демобилизация войск. Мои школьные друзья, одноклассники (а я со многими переписывалась), проезжая Москву, заходили ко мне в об-

щежитие. Было радостно с ними, живыми, встретиться. Помню, пришел Вася Парилов, он инвалид войны. Ему пришлось у нас заночевать, а накормить нечем. Я по общежитию бегала и собрала шесть

картофелин и граммов 200 хлеба. Девочки из нашей комнаты говорили, какие коми-парни хорошие ребята.

А.А. Поповцева

Тамара Алексеевна Стенина

Родилась (1924 г.) в г. Сыктывкар Коми АССР в семье служащих. В июне 1941 г. окончила среднюю школу и поступила на естественный факультет Коми государственного педагогического института, который окончила в 1945 г. В течение всех четырех военных лет в период летних каникул работала на лесосплаве в Максаковской, Трехозерной и Верхне-Човской сплавных запанях – молеву древесину сплавляли в плоты. Работала на Сыктывкарском лесозаводе по заготовке зимних запасов древесины в штабеля. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». 1945-1950 гг. – учеба в аспирантуре при Коми Базе АН СССР по специальности «почвоведение». Кандидат сельскохозяйственных наук (1953). 1951-1982 гг. – научный сотрудник Коми филиала АН СССР, Института биологии. Впервые дала характеристику пойменных почв Вычегодского бассейна. Заложила основы исследований микрофлоры таежных и тундровых почв Республики Коми, выявила основные черты сезонной динамики микроорганизмов в целинных и освоенных почвах, особенности биологической и ферментативной активности этих почв. В 1966-1974 гг. – заведующая лабораторией географии и генезиса почв. Опубликовано более 30 научных работ. Заслуженный деятель науки Коми АССР (1974).

* * *

Время и обстоятельства сложились так, что нашему поколению суждено было со школьной скамьи шагнуть в войну: 21 июня мы веселились на выпускном вечере, а 22 июня была война. Военные события развивались стремительно, ушел в армию мой отец. Пришлось круто менять свои жизненные планы. Мои намерения учиться в Мичуринском плодово-овощном институте пришлось оставить и попытаться поступить на естественный факультет Коми пединститута. Приняли нас по «ускоренной» программе и уже в качестве студентов отправили на заготовку дров для института. Валили лес где-то в районе Нижнего Чова. Так началась наша студенческая жизнь и продолжалась четыре трудных военных года. Зимой «грызли» гранит науки, время от времени прерываясь, чтобы привезти на санях дрова из Сидор-Полая для столовой института. Было нелегко, конечно, голодно и холодно. Часто приходилось заниматься в аудиториях в пальто. С благодарностью вспоминаю преподавателей, деливших с нами эти трудные годы – И.В. Попова, А.С. Сивкова, М.А. Флоренскую, Г.П. Балина, И.А. Вахнина, проф. Живака, Д.Т. Степуко, Т.В. Бахиреву.

Летние каникулы 1942-1944 гг. с первого до последнего их дня мы трудились на Трехозерной запани. Наша задача состояла в том, чтобы из сплавлявшегося с верховьев Вычегды молевого леса состав-

лять плоты. Для этого надо было сортировать лес, с помощью станков собрать его в плитки, делать оплотники и другие работы – все это нам пришлось срочно освоить. Работали по сменам – то днем, то ночью. Когда огромный плот был готов и отправлялся вниз по Вычегде, охватывало чувство удовлетворения и в какой-то степени даже гордости, что сделали большое и нужное для страны дело. Особенно запомнилась разборка заломов, работа не только трудная, но и опасная. Надо было не зевать, когда вся масса сбившихся бревен освобождалась и оказывались на плаву, тут же подхватывай багор и беги. К счастью, насколько помню, крупных неприятностей у нас не было, хотя окунуться кое-кому пришлось.

Вот так и трудились все лето, не выпуская из рук багров. Работала наша бригада, видимо, неплохо, так как помню, что кто-то из начальства запани вручил в качестве премии нашему бригадиру И.В. Забоевой большой пирог с брусникой. По тем временам это было очень кстати, хотя на сплаве мы получали рабочие хлебные карточки. Каникулы 1944 г. провели, работая в водном цехе лесозавода (теперь ЛДК). Вот так прошли четыре года учебы и четыре года войны. В 1945 г. – окончание института, госэкзамены и долгожданная победа.

Т.А. Стенина

Валентина Васильевна Турьева (1921-2005)

Родилась в г. Сыктывкар в семье крестьянина. В 1938 г. окончила Сыктывкарскую среднюю школу, в 1946 г. – биологический факультет Карело-Финского государственного университета. В летние месяцы 1941-1943 гг. работала на сплаве в Верхне-Вычегодской сплавной конторе. В 1944 г. в летний период работала коллектором в экспедиции гидробиологического отряда Северной Базы АН СССР. В 1947-1979 гг. – научный сотрудник Коми Базы АН СССР, Коми филиала АН СССР, Института биологии. В 1952-1955 гг. – учеба в аспирантуре по специальности «зоология позвоночных». Кандидат биологических наук (1962). В 1969-1979 гг. – заведующая лабораторией зоологии. Вела исследования фауны наземных позвоночных европейского Северо-Востока, фауны мышевидных грызунов в различных типах леса и ее изменений под влиянием вырубок. Опубликовано более 30 научных работ. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1995), почетными грамотами Президиума АН СССР (1974). Совета Министров Коми АССР (1973).

Исмаил Сыдыкович Хантимер (1898-1990)

Родился в с. Сафаровка Дергачевского района Саратовской области в крестьянской семье. В 1914 г. стал работать учителем в деревенской школе. С 1917 г. – рядовой русской армии. В 1922 г. поступил на агрономический факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии, после окончания которой заведовал учебной частью Казанского сельскохозяйственного техникума. С 1939 по 1941 г. работал геоботаником в Большеземельской экспедиции Наркомзема РСФСР. В 1941 г. И.С. Хантимер был зачислен в штат Северной базы АН СССР, которая в том же году была переведена в г. Сыктывкар. В годы войны вышло из печати несколько его статей по вопросам кормопроизводства, рекомендации по улучшению лугов и пастбищ. В 1951 г. опубликована работа «Семеноводство многолетних кормовых трав в Коми АССР», в 1959 г. – сводка «Материалы к изучению лугов поймы р. Печора». Они не утратили значения и в настоящее время. С конца 1950-х гг. ученый углубленно занимался проблемой сельскохозяйственного освоения тундры. Заложенный им в 1958 г. в окрестностях Воркуты сеяный луг сохранился до настоящего времени и служит полигоном научного мониторинга. Научное наследие И.С. Хантимера со-

ставляют 80 работ, из которых опубликованы только 37, остальные хранятся в рукописном фонде Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», почетными грамотами. Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР (1965 г.). Участие в выставках отмечено бронзовой (1974) и серебряной (1980) медалями ВДНХ.

Ариадна Николаевна Цыпанова

Родилась (1927 г.) в г. Сыктывкар в семье служащих. В 1948 г. окончила среднюю школу. В годы войны школьницей работала на сплаве на запанях в Трехозерке и в Нижнем Чове. За этот труд она была награждена почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР (1943), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1946 г.). В 1952 г. окончила естественный факультет Коми государственного педагогического института. 1952-1954 гг. – сотрудник Коми республиканского краеведческого музея. 1954-1982 гг. – научный сотрудник Коми филиала АН СССР, Института биологии. Кандидат сельскохозяйственных наук (1972). Ею впервые выполнены исследования сезонной динамики окислительно-восстановительных процессов в таежных и тундровых почвах европейского Северо-Востока. Благодаря использованию экспериментальных методов в почвоведении выявила характер и количественные критерии миграции железоорганических соединений в подзолистых почвах. Опубликовано более 40 научных работ. Награждена почетной грамотой Президиума АН СССР (1974).

* * *

Помню 9 мая 1945 года. Этот день был морозный, солнечный. Услышали позывные по радио: кончилась война. Сначала просто не верилось. Но радио продолжало извещать об окончании войны. Постучалась соседка в дверь, она тоже пришла с радостной вестью об окончании войны. Решили сразу отметить это событие, накрыли стол, где был поставлен чугунок с картошкой, и пили воду без заварки, но с сахарином. На улицах было ликование: все люди обнимали друг друга, целовались и поздравляли всех с окончанием Великой Отечественной войны. Этот день так и остался в памяти: солнечный, яркий и очень, очень радостный.

Хочется вспомнить о любимом брате Гелиосе, который погиб накануне окончания войны 7 марта 1945 г. Родился Гелиос 7 августа 1924 г. в Визинге, учился там до восьмого класса, по приезде в г. Сыктывкар окончил десятый класс средней школы № 1. Учился очень хорошо, пользовался большим авторитетом среди учеников и сверстников. Был хорошим спортсменом, занимался лыжами, коньками, футболом. Увлекался радиоделом и фотографией. Отлично играл на скрипке. Скрипка была старинная, типа скрипки Страдивари, подарил ему ее отец. Мы с ним очень дружили, и я часто слушала его игру. Гелиос окончил первый курс Коми государственного пединститута, когда началась Ве-

ликая Отечественная война. В 1942 г. он был взят на военную учебу, а затем его отправили на фронт.

Гелиосу я часто писала письма, но от него получала редко, письма были довольно скудные, без подробностей, так требовалось. Вспоминается, что в письмах он частенько писал мне: «Ариадна, люби математику, она тебе пригодится в жизни». Гелиосу писали письма мать, сестра Тамара, его подруги и друзья. Последнее письмо от него я получила в феврале 1945 г.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте Гелиос был награжден орденом Отечественной войны II степени. Как участнику боев за овладение Дойч-Кроне – важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны немцев в Померании и столицей Польши г. Варшава, приказами Верховного Главнокомандующего (№ 274 от 11.02.1945 г. и № 223 от 17.03.1945 г.) ему были объявлены благодарности. Орден Отечественной войны и благодарности были высланы его матери уже после гибели Гелиоса 7 марта 1945 г. в бою на границе Польши и Германии. Ему исполнился тогда только 21 год. Так обидно и горько, что такие молодые и талантливые парни погибли в боях с немецкими захватчиками, защищая свою любимую Родину.

К 55-летию Победы в городском Национальном музее были организовано торжественное собрание. Я выступила на этом собрании с воспоминаниями о

любимом брате. Скрипку и фотоаппарат Гелиоса я сдала в Национальный музей. Старинная скрипка была реставрирована работником-реставратором музея. На торжественном собрании я слушала со слезами на глазах игру на этой скрипке ученицы

гимназии искусств. Девочка очень хорошо, с чувством исполнила песню военных лет «В лесу прифронтовом», посвященную памяти Гелиоса.

А.Н. Цыпанова

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА

Я из детства синеглазого
Помню, много лет назад,
Как народ Победу праздновал,
Как встречали мы солдат.

Балалайка заливалась
И плясал в кругу боец,
В те минуты мне казалось,
Что вернется мой отец.

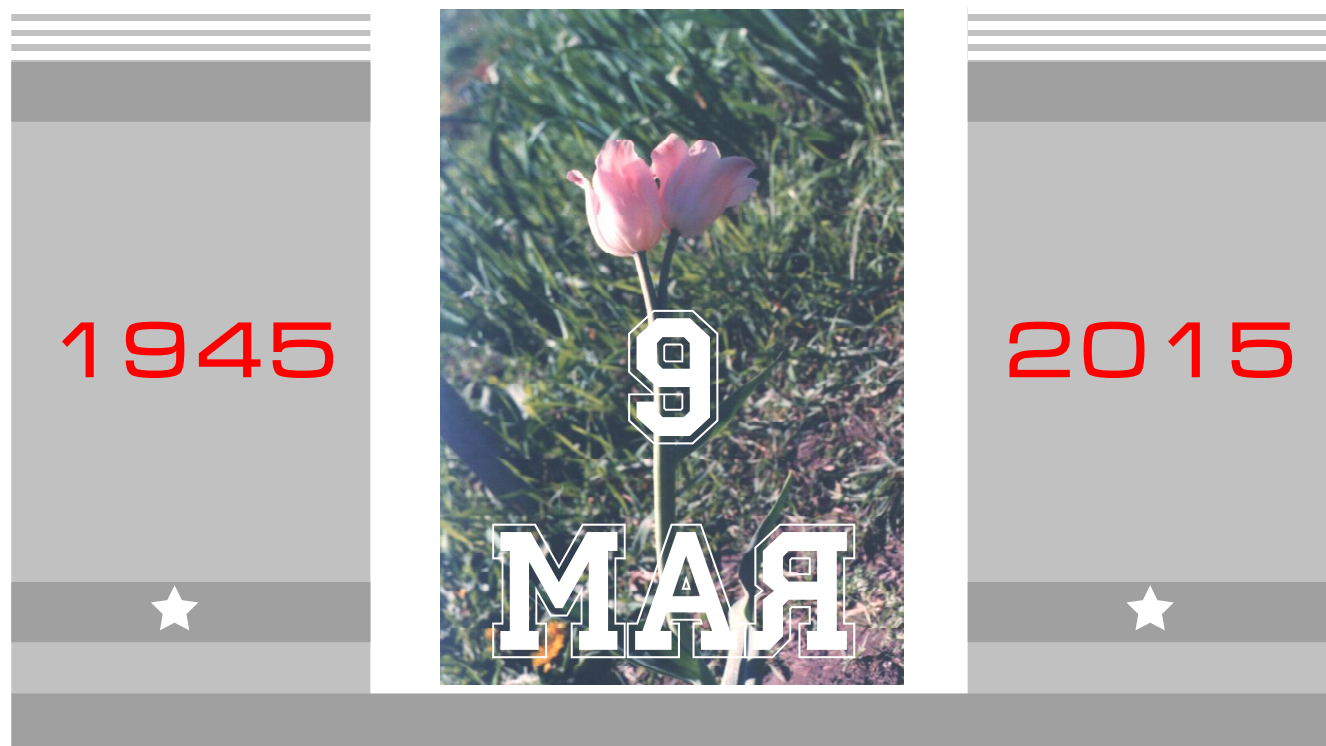
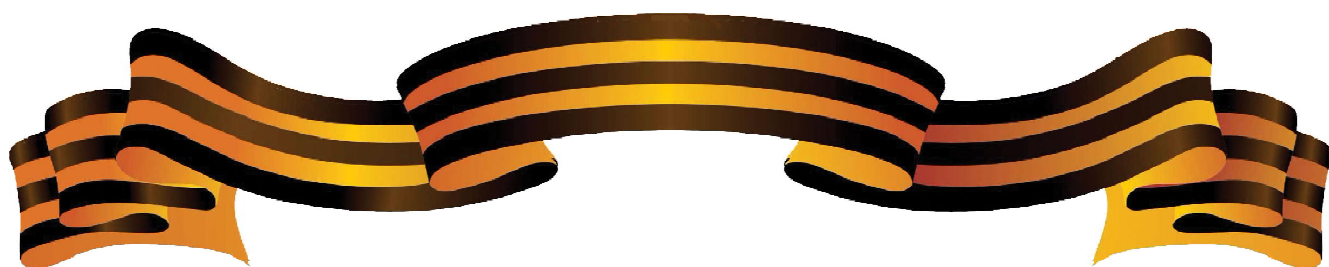
Подойдет ко мне с улыбкою,
Сбросит с пыльных плеч рюкзак,

Весть о гибели ошибкою
Вдруг окажется. Вот так.

А в толпе, звенящей песнями,
Так печальны и горьки
Той войны проклятой вестники
Вдовьи черные платки...

И теперь, Победу празднуя,
День тот в памяти храня,
Я кладу гвоздики красные
Возле Вечного огня.

В.А. Мартыненко. 1985 г.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Отец у меня был профессиональный военный, пограничник. Мои осознанные воспоминания о последнем перед войной месте службы отца – погранотряд на границе с Турцией, близ г. Нахичевань Азербайджанской ССР. Военных часто переводят, очередное назначение было – Харьков, пограничное училище, преподаватель. Был 1939 г. Переехали. Летом все училище с преподавателями и их семьями выезжало в лагерь. Жили в фанерных домиках, было несколько основательных построек, где размещался штаб, другие службы. Сосновый лес, берег р. Северный Донец, раздолье. Все заняты своими делами – военные учат и учатся, женщины занимаются хозяйством, как любил говорить отец – «обеспечивают тыл». Выезжали обычно в начале июня. Вот в этом лагере мы и услышали объявление о войне. Столпились у стола, где висела черная тарелка – радио. Не помню, чтобы началась паника. Нам, детям, было не понятно, но страшно... А воспитаны мы на чем были? «Тимур и его команда», «Мальчиши-кибальчиши»... Романтика, геройские поступки... О войне так и думали, как о череде героических поступков.

Вскоре лагерь закрыли, все училище вернулось в город. Начались бомбежки. Радио не выключали: «Граждане, воздушная тревога». Обычно спускались в подвал нашего дома, где среди труб были построены нары в два этажа. Все спускались и отсиживались до отбоя. Сколько потом было засыпано людей в таких подвалах под обломками разбомбленного дома...

Если отбой был днем, мы, дети, собирали осколки, было даже интересно, осколки такой разной формы, большие, маленькие... Но очень скоро интерес пропал, стали понимать, что не до игр. Бомбили все чаще, особенно страшно было ночью. Днем летали немецкие разведчики, кажется юнкерсы. Летают, но не бомбят, поэтому мы смотрели, но не боялись. По звуку мотора научились различать. Но однажды... днем во дворе дома играли дети всех возрастов. Постарше – играли в войну, на дереве был наблюдательный пункт. Маленькие возились в середине двора в песке. Летит немец, разведчик, задрали головы, посмотрели и не очень-то испугались. И вдруг самолет снижается и на бреющем полете несется прямо на нас, застрочил пулемет... Удивительно, что никто не пострадал. Видно летчик забавлялся, не целился. Вот так, выпустил очередь и улетел. Никто не успел убежать. Через несколько минут все закричали, забегали, кое-кто (кто был дома) из мам выскочил... В песке копалась и моя младшая (три года) сестренка. Потом нас обстреливали не раз, а мы поняли – немца надо бояться всякого.

Нас начали готовить к эвакуации. Отец перед войной начал учиться в Военной академии генерального штаба им. М.В. Фрунзе. Был ускоренный выпуск, и он получил новое назначение. Его

Инна Борисовна Арчегова

новая часть должна была своим ходом, а значит с боями, пробиваться в г. Саратов, семьи отправляли в эвакуацию. С собой разрешено было брать очень немного – постель, теплые вещи... Перевезли в город. До этого жили за городом, район назывался Померки, рядом был ХТЗ (Харьковский тракторный завод, потому и бомбили нас сильно). И вот ночью бомбежка. Помню ясно, что, выйдя из дома, спрятались мы у постаментов какого-то памятника. Еще было не холодно, но погода осенняя. Прижались спинами к холодному камню, страшно, разрывы ухают, самолеты на бреющем полете трассирующими пулями обстреливают все, что на земле. После этой ночи нас очень скоро погрузили в эшелон под очередным обстрелом и без расписания вывезли, это был последний эшелон из Харькова, вскоре город был оставлен.

Повезли нас в Среднюю Азию. Первую часть пути ехали под бомбами. Было и так: начинается налет, бомбы рвутся вокруг, эшелон несется вперед, мамы укладывают нас на полки (везли нас в обычных пассажирских вагонах, повезло) и укрывают матрасами от возможных пуль, осколков, а сами... Потом, когда проехали опасную часть пути, стало спокойно. Эшелон то останавливался и стоял по несколько часов, то срывался с места и несся. Во время длинных остановок, чаще всего посреди степи, женщины разводили костер, варили какую-нибудь еду... Потом лязг буферов, поезд гудел, все бросались к вагонам, захватив недоеденное...

Первая наша эвакуация была в Киргизию. Доехали до г. Фрунзе, нас среди ночи погрузили на подводы и повезли в с. Чалдавар. Село в 3 тыс. дворов из переселенцев с Украины, так называемые раскулаченные. Пока нас грузили, везли, в суматохе украли наши вещи, остались мы с тем, что на нас было, да при себе в узелках. Но вот именно там, в этом далеком селе человеческая помощь проявилась в полной мере. Хозяйка, к которой нас определили, помогла нам пережить все трудности, сестренка заболела и только чудом осталась жива. Мы, конечно, помогали тоже, делали все, что было в наших силах. В этом украинском селе я видела настоящие колядки, как в Рождество ходили со звездой. Украинцы очень стремились сохранить свои обычаи. А мама работала в колхозе, делала всякую работу вместе с колхозницами. И вдруг, опять вдруг, маму вызывают в контору колхоза и говорят, что пришел вызов к мужу в г. Саратов. И поехали мы. Долго ехали, недели три. И вот он Саратов и папа.

Но... шла битва за Сталинград, Саратов стали бомбить нещадно. Жили мы в районе, который назывался Дома 8-го Марта, рядом нефтеперерабатывающий завод, а недалеко мост через Волгу. Во дворе вырыты щели, но в них никто не прятался, скорее засыплет осколками. Бомбоубежища не было. Когда начиналась воздушная тревога, отец с мамой (она работала) уезжали на свои объекты, а мы – я, сестра и соседи – спускались в подъезд на первый этаж и там отсиживались. В школе у меня появилась под-

руга Луиза. Через некоторое время она исчезла. Думаю, что это было связано с выселением (депортацией) немцев Поволжья.

Стало совсем опасно, и отец отправил нас опять в эвакуацию. Теперь наш путь был в Узбекистан. Ехали долго, по пути, уже в Азии, местные жители выносили к поездам огромные арбузы и сушеные заплетенные в косы дыни. Все это было удивительно, где-то война, а тут арбузы. Приехали в Ташкент. На станциях обязательный санпропускник. Обязательно в баню, а вещи прожаривают (называлось вошебойка). Выйдешь из бани, получаешь свою одежду. Регистрация была в эвакуопункте. Да, все почти были зашивлены, но борьба была налажена, и организация эвакуации тоже была, хотя, конечно, были всякие неполадки. В Ташкенте знакомые из Харькова, эвакуированные раньше и уже обжившиеся, сказали нам, что отец пропал без вести, были бои, а где – никто не знал. А нас отправили дальше в городок Кашка-Дарья – последняя станция.

Из этого городка в еще меньший поселок (теперь, кажется, город) Китаб, совсем уже у подножия гор. Маму, как самую грамотную и русскую, взяли на работу в паспортный отдел, я пошла в школу. Жизнь была очень голодная. Ждали мы с сестрой, когда мама придет с работы и принесет узбекские лепешки. На всю жизнь остался в памяти необыкновенный вкус этих лепешек. Дети есть дети, мы учились, дружили, дрались, собирались по несколько человек и на берег реки – искать черепаши яйца, которые ели. Черепашие мясо продавали на рынке. Весной на крыше глинобитных домов зацвели тюльпаны, а это очень красиво. Во дворе у хозяев, где нас поселили, розы цвели почти все время. Нас как-то хозяин угостил узбекским пловом, как это было божественно вкусно! И вдруг! Опять вдруг, как все в жизни. В этой глуши на краю света маме сообщают, что нам есть вызов от отца... из Москвы. Мы не верили, почему из Москвы? Ведь он оставался в Саратове... Никто вокруг не верил. А мы доехали до Ташкента и через военную комендатуру нас отправили в Москву, уже был конец 1943 г. Оказывается, отца перевели в Москву, он стал начальником штаба дивизии, несшей службу по охране Москвы.

Москва была еще тревожная, раза два бомбили и в Москве. На окраине еще были надолбы, также заграждения против танков, стекла на окнах заклеены бумажными полосками крестом, чтобы осколки не разлетались. И еще одно очень сильное впечатление – это когда пленных немцев после битвы под Москвой вели огромной колонной через весь город. Шарканье подошв по асфальту, молча идут немцы, а люди вокруг также молча на них смотрят. Помню их лица, Бог знает, о чем они думали, идя по Москве победившей. Шли они по проезжей части, а народ заполнял тротуары, балконы, маль-

чишки на фонарных столбах. Это было сильное впечатление.

Началась московская жизнь. Первые салюты, школьные будни, были театры. Пожалуй, только тогда и еще когда училась в университете в Ленинграде, я больше, чем когда-либо, походила в театр. Жили мы у Никитских ворот, близ театра им. Маяковского, кажется, тогда он назывался театр Революции. А потом было ожидание победы и, наконец, она, долгожданная Победа!

Много было всего за четыре года войны, эвакуации (нас называли «выковыренные»), разлуки, потери... Но основное, что было это объединение людей в преодолении общей беды. Это не просто красивые слова. Были, конечно, негодяи, предатели, но не они делали победу, принося себя в жертву. Промыкались мы по стране, всего насмотрелись, но даже в глухом узбекском селе не ощущали себя отщепенцами. Потому и выиграли эту страшную войну.

В ночь перед объявлением о Победе в нашей семье не спали, ждали радио. И вот голос Левитана... Что тут началось... Мне вспоминается теперь, что вся Москва вышла на улицы. Слезы, слезы, смех, объятия, песни... Все это много раз (и очень правдиво в фильме «Летят, журавли») показано нам в документальных и художественных фильмах. Пересказать трудно. И вот салют в честь Победы. Над Москвой образовали купол из лучей множества прожекторов, в центре портрет Сталина на аэростате заграждения. Это было впечатляюще. (Сколько раз во время бомбежек мы наблюдали шарящие по небу эти лучи прожекторов, иногда в нем или в перекрестье двух-трех лучей был виден самолет и как по нему бьют из зениток, иногда наблюдали бой нашего и немецкого самолетов. Стояли и «громко» переживали... Ведь ночью во время налета не спали, выбегали на улицу. Не помню, чтобы в Москве мы спускались в метро, правда, мы оказались в Москве уже после битвы под Москвой и налеты не имели уже большой силы). На Красной площади толпа, люди стоят почти вплотную друг к другу, на всех прилегающих улицах такая же масса людей... Смех и слезы, и все смотря в небо на портрет Сталина... Вот он, салют Победы! Мне помнится, что несколько дней в Москве было празднование Победы – вот такое стихийное, народное... А потом уже было официальное торжество – Парад Победы, в котором участвовал и мой отец, а потом прием в Кремле участников Парада, и немного ошеломленный всем этим обилием впечатлений отец, которого мы донимали расспросами дома...

И каждый год, где бы я ни оказалась в этот день, День Победы, воспоминания охватывают меня. Но воспоминания мои начинаются с начала войны, с ее горя, а потом горькой радости Победы.

И.Б. Арчегова

* * *

О войне помню лишь отдельные моменты. В конце октября или начала ноября 1944 г. я играла у подружки в соседнем доме и увидела в окно маму. Она шла и громко плакала. Я испугалась, побежала за ней. Когда я зашла в наш дом, увидела, мои родные сидели за столом и плакали. Мама прочитала извещение: «Ваш муж, Бобков Степан Павло-

вич, погиб в бою 20 октября 1944 г.». Я тоже заплакала.

Еще помню очень хорошо тот день, когда приезжал к нам фронтовик – дядя Андрей, который воевал вместе с моим отцом и был его другом. Он был политруком,

а мой отец – командиром части. Он подробно рассказал, как они воевали. Из этого рассказа помню момент о том, при каких обстоятельствах погиб мой отец. Наши войска наступали. Отряд, которым командовал отец, располагался в 20 км от Риги в сосновом лесу. В отряде были большие потери. Латыши, которые были на стороне фашистов, ночью нападали. Согласно приказу высшего командования их нельзя было расстреливать. Мой отец заявил, что терпеть больше нельзя и верхом на лошади поехал в Ригу решать этот вопрос. Вечером, когда он возвращался, не доехав 100 м до части, был смертельно ранен. Последние его слова были – наступать, стрелять. Вытащил из кармана гимнастерки конверт с последним письмом домой матери. Дядя Андрей доставил нам это письмо.

Мой отец похоронен в Прежде в братской могиле, которая находится в том сосновом лесу, где он был убит. Один раз с мамой, а потом много раз я одна побывала в этих местах на могиле отца. Мечтаю еще раз побывать там с внуком Степаном.

День Победы – 9 мая 1945 года – мне, как сон, периодически приходит в память. Я была маленькой девочкой, мне было всего пять лет. Мама сказала, что сегодня праздник. Я впервые услышала

Капитолина
Степановна
Бобкова

это слово. Мама и бабушка плакали. Я тогда ничего не понимала. Праздник и слезы. Спустя несколько лет я поняла. Мои родные плакали и от радости, и от горя. Ведь с войны в нашей семье не вернулись трое – мой отец, его брат и брат моей мамы. Похоронки пришли раньше. Было светло и сухо. Моя мама надела нарядное платье, сверху пиджак и накинула на голову большой цветной платок. Она так никогда не одевалась.

Мы с ней поднялись на холм, который называли тогда и называют сейчас Ен-юр. Он расположен на берегу Сысолы, откуда виден очень красивый ее изгиб, большие поля, а за ними леса. На холме был установлен большой стол. За столом никто не сидел, а на столе была еда, бутылки. Собралось очень много народу. Человек в солдатской форме играл на гармошке. Одни пели, другие плясали, а некоторые плакали. Были среди них и мужчины в солдатской форме: кто без рук, кто на костылях. Я больше наблюдала за ними, особенно за человеком, который был без обеих ног, двигался на самодельной деревянной коляске. Я с другими детьми бегала среди взрослых, радовалась, хотя не понимала, что происходит.

К.С. Бобкова

* * *

Война застала меня 12-летней девочкой. В ту пору семья наша жила в Слободе, что в 15 км от Сыктывкара. В день объявления войны мы с мамой в соседней деревне помогали родственникам месить глину для кирпичей. Они строились. Прослышав весть, мы поспешили домой, чтобы завтра уйти в Сыктывкар, где работал на строительстве мой брат Андрей. Хотелось повидаться с ним перед уходом на войну (мобилизацию объявили уже во второй половине дня), отнести ему смену белья и еду в дорогу.

Утром, 23 июня все население колхоза собрали около правления. Сообщение выслушали молча. В памяти сохранилось – жара, небо и земля словно слились воедино... В Сыктывкаре Андрея не нашли. Он работал в те дни в Пезмоге. Так и ушли ни с чем. Но все же Бог дал возможность увидеться. И эту возможность предоставил нам Слободской тракт. Он был тогда единственной дорогой, соединявшей глубинку с внешним миром, с Микунем, откуда уходили поезда с мобилизованным народом. По тракту в обе стороны потянулись призывники. В сторону Сыктывкара шли мужчины на центральный призывной пункт, который был сформирован в райцентре Вильгорт. Оттуда в сторону Микуня по тому же Слободскому тракту призывники шли уже организованными колоннами, почти круглосуточно. Новобранцам разрешалось ненадолго отлучаться от колонны, чтобы забежать в родной дом и попрощаться. Так и случилось с нашим Андреем. Мы ждали его появления со дня на день. И вот уже в сентябре (я была

Раиса Павловна
Коданева

в школе) он забежал на пару часов домой. Застал только маму и сестру Машу. Наскоро собранные пожитки. Скупое прощание. Тогда еще никто не думал, что это короткое свидание может оказаться последним. С Андреем так и случилось. Где-то в 1943 г. мы получили от него солдатский треугольник, где он сообщал, что ранен в обе ноги, лежит в госпитале в Саратове. Потом опять долго не было писем. А зимой 1944 г. из Белоруссии пришла похоронка. Мама долго об этом не говорила. Не хотела расстраивать.

Отца на войну не призвали. Ему было уже более 55 лет. К тому же он был сильно болен. Две мои сестры Надя и Нина уже уехали из родительского дома, а Маша оставалась с нами. К моменту объявления войны ей было 19 лет. Работала в Слободе в детском доме. Помню, спустя какое-то время после начала войны она регулярно уходила на какие-то сборы на краю деревни. Девушки, достигшие совершеннолетнего возраста, проходили Всеобуч – практические занятия по военной подготовке. Их готовили на войну. И вот 28 ноября 1942 г. пришел и Машин черед.

Помню, накануне вечером к нам домой зашла секретарь сельсовета и сообщила: «Вашу дочь забирают на фронт. Сбор – послезавтра на Вильгортском призывном пункте». Мама рыдает. Отец молчит. Как сейчас помню жуткое ощущение в тот вечер – на столе, словно гробик, две золотистые косы, при освещении комнаты 5-линейной лампой. Мама и Маша решили, что там, на войне, они будут ей мешать. В доме кромешная тишина.

Назавтра в связи с проводами устроили молодежную вечеринку, а утром Маша ушла в Вильгорт.

горт на призывной пункт. На обратном пути ей позволили переночевать дома и догнать колонну, которая остановилась на ночлеге в Слудке. А потом был Архангельск, служба в Литве...

Дома остались мы втроем – отец, мама и я, а с декабря 1942 г. после смерти отца военные лихолетье переживали мы с мамой вдвоем. Отец, Павел Яковлевич, великий труженик, работал до последнего вздоха. Считался лучшим колхозником. Он умел все! Почти все предметы и орудия труда и быта в доме были изготовлены его руками. Зимой на лесозаготовках от первого снега и до его схода с помощью лучковой пилы собственного изготовления пилил и валил лес. Умел выделывать кожу, работал бондарем. «Надо» – было очень ходовое слово в его устах. Дом наш почти всегда был полон народа. Многие пользовались жерновками его изготовления. Порой до глубокой ночи колхозники размалывали свои скудные урожаи – зерна ячменя. Помню при свете коптилки вдоль стены на лавках, а то и на полу, сидят мужики. Ждут своей очереди. Дымят... Свое собственное зерно приходилось размалывать урывками.

Навсегда запомнился последний день его жизни. 20 декабря 1942 г. Заканчивается трудовой год. Ценой больших усилий удалось расплатиться с налогами. Вечер. Мама ушла, чтобы отдать четыре ведра картошки и полностью рассчитаться с господавкой. Я при свете коптилки готовлю любимый грибной суп для отца. Печь-буржуйка никак не растапливается. Вышла в хлев подоить корову. Она перед отелом. Не удалось выдоить ни капли молока... Вот отец подошел к дому. С трудом переступил порог. Сел за стол, но есть не смог. Я пытаюсь сделать для отца что-нибудь хорошее. Предлагаю почитать ему. Под рукой коми сказки. Когда закончила, встал. «Да, если бы я умел писать, я бы десять таких книг написал. Да, десять!». Это были последние его слова, которые я слышала. Наутро его не стало. На 58 году жизни. 21 декабря 1942 г. Как жили потом, после смерти отца?

Мама, Анна Архиповна, такая же, как и отец, великая труженица. Жили натуральным хозяйством. Своя корова (одна на три двора) давала какую-то возможность не голодать. Еще был лес – настоящий кормилец. Из сахарной свеклы, выращенной в огородах, мама умудрялась делать конфеты, чтобы скрасить наше военное детство. Помню ранние побудки на прополку зерновых и всего остального, что выращивали. Участвовали во всех операциях по созданию сельскохозяйственного продукта: сажали, рыхлили, мотыжили, убирали... Зарабатывали свои трудовые. Себя помню с прялкой в руках, наверное, уже с пяти лет. Пряли, ткали. Отбеливали сотканное. Вместе со взрослыми трудились, как могли. Все годы учебы в начальных классах школы меня не покидало страстное желание быть артисткой. Мама же хотела, чтобы я поскорее приобрела специальность и начала зарабатывать деньги.

В 1943 г. меня забрала к себе старшая сестра Надя, которая уже работала директором неполной средней школы в с. Пожег. Там я доучивалась в седьмом классе. При школе было общежитие, где жили дети, приезжавшие на неделю из многочисленных переселенческих поселков. Это были пре-

имущественно репрессированные люди. Условия жизни этих детей были тяжелые. Они, как могли, сами варили себе еду из продуктов, которые давали им на неделю родители. Была и проблема вшей. Не было мыла. Приходилось готовить его из щелока. Дрова как для самой школы и общежития, так и для размещенных по частным домам учителей, заготавливали мы с Надей, привлекая детей. Это был далеко не легкий труд! Тем не менее, с теплотой вспоминаю этот период жизни. Народ в Пожеге был хороший, доброжелательный. Не помню ни одного конфликта, случаев воровства, грабежей. Летом 1944 г. я поступила в музыкальное училище в Сыктывкаре. Сама стала воплощать в жизнь свою мечту – стать артисткой. Событие стоит того, чтобы рассказать о нем отдельно.

Музыкальное училище в Сыктывкаре существовало лишь второй или третий год и находилось по адресу: ул. Ленина, 88. Крестьянский одноэтажный дом. Первый этаж. В июне 1944 г. отправилась пешком в Сыктывкар на разведку, заявить о себе, о своем намерении. Как раз в эти дни в Сыктывкаре проходила олимпиада и первый вопрос, который был мне задан в учительской, – «На олимпиаду пришла?». Новое, абсолютно неизвестное слово. Пришлось сразу раскрыть свои намерения. Посмотрели мое свидетельство о рождении. Предложили пройти проверку голоса и слуха. Лихо пропела три заранее заготовленные песни. Потом меня попросили спеть гимн. Как раз он только что был записан. В Пожеге мы успели выучить слова, но мелодии не знали. Радио ведь там еще и в помине не существовало! Константин Васильевич Козлов, завуч, сказал, что 30 июля состоится вступительный экзамен, и я смогу принять участие в конкурсе.

И вот я снова в пути. Нарядная. Косы до пояса. В 10 утра 30 июля 1944 г. приступаю к экзаменам. Прослушивание. Математика. Диктант. Приняли! На подготовительное отделение. В этот же вечер, голодная, но счастливая, я уже дома. «Мама, – кричу с порога. – Я буду артисткой!». С 1 сентября 1944 г. я стала учащейся музыкального училища. Его в ту пору возглавлял директор Пятнев Сергей Дмитриевич, заведовал учебной частью К.В. Козлов. Он же – баянист, дирижер, руководитель оркестра. Еще помню Антонину Федоровну Иванову. Она преподавала вокал. Еще была пианистка Софья Ричардовна. В училище я проучилась два года. Жила в подвальном помещении, полуголодная.

9 мая 1945 г., день Победы. Он остался в памяти. Бегу в училище, слышу: «Рая, с победой!». Не сразу понимаю. В училище все становится на свои места. Наказ учащимся – группироваться. Выступайте по всему городу. Веселите людей! После 9 мая началась демобилизация. С фронта стали возвращаться солдаты. В один из дней лета 1945 г. вернулась с войны моя сестра Маша! От Котласа до Слободы она добралась пароходом «Красноборск», а оттуда вместе с Надей они пришли ко мне с огромной корзиной черники. Помню: Маша – в военной форме. Косы отросли! Ей надо опять в Вьльгорт. На этот раз – чтобы доложить о своем возвращении с фронта.

Р.П. Коданева

* * *

Когда началась война, мне было всего пять лет. Жили мы в маленьком городке Тверской области. Я хорошо помню, что в одну из июньских светлых ночей в окно нашего дома громко постучали, и отец, открыв форточку, взял в руки белый листок – повестку в военкомат. Днем он ушел на призывной пункт и больше мы его не видели. С фронта пришло несколько писем-треугольничков со смешными рисунками птиц и зверушек для нас с сестренкой и все.

Совсем недолго продолжалась почти мирная жизнь, потом начались обстрелы и налеты вражеской авиации на железнодорожную дорогу Москва–Ленинград. Самолеты летали так низко, обстреливая улицы из пулеметов, что мы видели сидящих в кабинах пилотов в кожаных шлемах и очках, которые целились в нас, разбегающихся в ужасе ребятишек. Во время бомбежек бабушка уводила нас в бомбоубежище, где было темно и сыро. Возвращаясь домой после отбоя воздушной тревоги, мы собирали около разрушенных зданий еще горячие металлические осколки авиабомб.

В одну из жестоких бомбежек погибла наша мама. Она работала в райкоме комсомола и в день своей гибели, по рассказам ее сослуживцев, занималась организацией истребительного молодежного батальона и в его составе должна была отправиться в пункт базирования партизанского отряда, действовавшего в тылу врага. Ей, как матери двух малолетних детей, предлагали эвакуироваться, но она заявила, что место ее здесь, а детей она отправит к родственникам.

В скором времени мы с бабушкой в колонне беженцев на подводе ехали в далекую от линии фрон-

Вера Антоновна
Мартыненко

та деревню. Проезжая через лес, мы увидели, что в небе вокруг неповоротливого бомбардировщика с черными фашистскими крестами вьется юркий маленький истребитель с красными звездами на крыльях. Через несколько минут из хвоста бомбардировщика повалил черный дым, и он стал стремительно падать. Вдруг от него отделилась черная фигурка, над ней раскрылся белый парашют, который опустился в чащу леса. Туда стремительно побежали безоружные женщины и несколько стариков, ехавших с нами в колонне беженцев. У одного из них было ружье, у другого – топор. Что было дальше, я не знаю, мы ехали не останавливаясь.

Младшая сестра осталась с бабушкой, а меня отправили к родственникам в Пятигорск. Кто же знал, что немцы доберутся и до Северного Кавказа? Пришлось уходить пешком. Ночью небо расцвечивалось светящимися трассирующими пулями, и я зачарованно следила за ними из придорожной канавы, в которой мы прятались от обстрела.

Нужно сказать, что горцы деревень, через которые мы проходили, относились к беженцам неласково, многие открыто ждали немцев, не давали нам даже воды, еду не продавали ни за какие деньги, ночевать приходилось под открытым небом. Днем мы видели на изгибах горных дорог немецких мотоциклистов, но они были далеко от нас. Прошагав пешком 80 км, мы успели залезть в окно вагона одного из последних поездов без всяких, конечно, билетов. Потом мы тряслись в товарном вагоне целый месяц, проехали всю Среднюю Азию и Сибирь и там, в городе Черемхово Иркутской области, прожили в эвакуации два года в голоде и холоде. Но это уже другая история...

В.А. Мартыненко

* * *

Семья наша – папа, мама, бабушка и мы с братом – находились 22 июня 1941 г. в аэропорту Стригино под Горьким, где мы тогда жили и где в предвоенные годы в летние воскресные дни устраивались массовые гуляния – массовки. Бравурная музыка, ситро, мороженное и, конечно же, танцы. Хорошо помню – большая поляна, окаймленная множеством празднично одетых людей. Баянист (гармонист?) лихо наигрывает, зазывая публику войти в круг. Вдруг чувствую – мама слегка подталкивает меня в спину, и я, захваченная общим настроением, оказываюсь в кругу и пускаюсь в пляс, да так лихо, что и сама уже не понимаю, как меня куда-то несет! Наконец, падаю в очередной присядке. И тут – взрыв аплодисментов, одобрительный смех. И мне вручают коробку конфет, круглую такую, в форме дамского ридикюля, и моей радости нет предела! Потом эта коробка (уже пустая) долго хранилась в домашнем буфете. Родители це-

Ольга Николаевна
Попова

нили наши успехи и умели делать «зарубки» на память. В это лето мне было восемь лет. Сам момент объявления войны я не помню. Сохранилось лишь ощущение какой-то тревоги и спешки и гул громкоговорителей. И вошедшее в уши новое слово «война».

У меня позади первый класс. Папу взяли на фронт уже в первые дни после объявления войны. Бабушка уехала в Сыктывкар, на мамину родину, а мы – мама и я с братом – остались в Горьком.

Горький бомбили. Главной стратегической целью был горьковский автомобильный завод. А дом, в котором мы жили, находился в непосредственной близости от Окского моста, на той самой Стрелке «далекой», о которой потом сложили песню. Единственный в городе, почти километровой длины, он соединял нижнюю и верхнюю части города и, конечно же, был в поле зрения немцев. Несколько дней мы жили в особом напряжении. Бомбежки, которые в основном велись ночью, вроде бы обязывали нас где-то укрываться. После объявления сигнала воздушной тревоги мы

спускались на первый этаж нашего трехэтажного дома и оставались там до отбоя. Сейчас кажутся совершенно нелепыми наши действия по «спасению» от бомб. Можно было точно так же оставаться в своих квартирах, и результат был бы одним и тем же. Однажды мы все же почувствовали вполне ощутимый толчок. Дом тряхнуло что надо. Прямого попадания в мост, к счастью, так и не случилось. Бомбы падали в воду. После этого частота воздушных тревог как-то пошла на убыль, но затемнение окон на ночь (светомаскировку) мы еще долго производили.

Во время бомбежек автозавода, который находился на окраине города, вдвали от нашего дома, несколько раз мы с братом бегали в том направлении в надежде подобрать осколки от бомб. Брат однажды притащил домой грудку осколков и даже поделился со мной. Долгое время они бережно хранились в полотняном мешочке и исчезли куда-то потом вместе с постепенно угаснувшими воспоминаниями о войне. Память все же нет-нет да и оживит забытые ощущения тех тревожных дней и ночей, которые мы пережили в детстве. Почти всегда, когда я слышу едва различимый гул летящего самолета, в груди моей происходит что-то непонятное. Воспоминание возвращает меня в те военные дни... Зимний пасмурный день... Объявлена воздушная тревога... Слух едва улавливает гул приближающихся налетчиков...

Не исчезли до конца и воспоминания о тех страданиях, которые приносил нам голод. Чувство голода неотступно преследовало нас и превалировало надо всем! Я прихожу к заключению, что именно голоду «обязаны» те катастрофические провалы в памяти, которые я обнаружила у себя в связи с написанием этих воспоминаний о моем «военном» прошлом. Напрочь исчезли воспоминания о втором-четвертом классах, пришедших как раз на первые годы войны! Не помню абсолютно ничего! Не помню даже имени учительницы. У меня даже возникает сомнение, ходила ли я в школу. Между тем это была элитная школа в районе. Школа № 49! В памяти вспыхивает какая-то «лампочка», связанная с какими-то нашими выступлениями с художественной самодеятельностью в госпиталях... Помню себя в роли бравого солдата Швейка... И еще обломки печенюшек, которые раздавала нам на перемене на завтрак ответственная по этому делу Берта Скобло. Все!

Не понимаю, как мы жили в те годы. Бедная мамочка! На какие только уловки ей не приходилось идти, чтобы хоть чем-то накормить нас! Работала днями и ночами! Из дома было продано на «хитром» рынке все, что было еще можно продать. Пригодилось ее умение шить, вязать, вышивать. Пока не иссякли в доме запасы тряпья, строчила из него на продажу варежки. Из старых детских чулок, подбитых ватой, получались очень даже неплохие рукавички.

Хлебные карточки! Ежедневно по очереди с братом отоваривали мы эти хлебные карточки. Приходилось выстаивать огромные очереди, пропускать уроки. Скучный паек полусырого, обильно сдобренного картофелем хлеба съедался почти мгновенно. Около мамочкиного пая ходили кругами в ожида-

нии ее прихода с работы. От этой пайки нам, наверное, тоже перепадало.

Мысли о еде не покидали ни на минуту. Помню, просыпаюсь ночью от каких-то непонятных звуков. Открываю глаза. Юрка «работает» над деревянной ложкой, обгрызает «молекулы» теста, каким-то невероятным образом сохранившимися на ней. Зовет меня! Приглашает разделить эту «трапезу»... Или – бегу домой мимо воинской части, временно квартировавшей поблизости от нашего дома. На моих глазах открывается дверь, из нее выбегает на мороз женщина (повар?) с ведром и лихо выплескивает прямо на снег содержимое ведра. Замираю от удивления – рыбные селедочные головы! Одна, две. Три! Кидаюсь к ним, поспешно собираю и стремглав домой! Бедная моя мамочка... Много раз потом, уже в «сытую» пору, она вспоминала этот случай, переживая вместе со мной то чувство восторга за мою «находчивость» и за те минуты наслаждения, которые доставила нам «свалившаяся с неба» уха.

Пишу эти строчки и плачу. Плачу больше потому, что никогда уже не могу вернуться назад. Вспомнить это время, вместе с мамочкой... Материнское сердце! Оно огромно, не знает границ! Именно потому мы и выжили, что рядом с нами были они, наши мамочки, о чем мы – увы! – не успели сказать им при жизни... В самые тяжелые военные годы они проявляли прямо-таки чудеса героизма! Наша мамочка, веселый, никогда не унывающий человек. Что бы ни делала – все под песню. И нам не давала спуска. Сколько раз поднимала нас по утрам под аккомпанемент пианино! «На рыбалке, у реки, тянут сети рыбаки...» – звучали браваурные аккорды. Потом она кидалась по очереди к нам, затевая с веселую возню... Как тут было не поддаться ее примеру!? Ах, если бы можно было вернуться в те времена! Мой восторг перед мамой был огромен! Помню, вот она возвращается с работы. Я далеко уже заприметила ее. И в сердце моем творится что-то невообразимое! Бегу ей навстречу. Мне так хорошо! И никакая война нам тут была нипочем!

А между тем война затягивается не на шутку. И подбрасывает нам все новые свои сюжеты. Наш дом, бывшую еще в дореволюционные времена гостиницу «Волга», можно было сравнить с огромным пароходом, населенным многочисленным людом (сравнение пришло мне на ум сейчас, когда миновало столько лет и дома уже в помине нет на месте). Тогда же это был довольно приличный по размерам для тех времен дом, и люди жили в нем вполне интересные. В соседней с нами квартире жила семья Смирновых. Валериан Платонович, интеллигент в настоящем смысле слова, инженер, был хранителем ценнейшей коллекции марок. Через него я поняла, что марки – это не только красиво. Это целый мир и высочайшая культура. Однажды в квартире Смирновых появились новые люди. В самый канун войны. Молодая красивая тетя Лида с двумя детьми. Из разговоров взрослых можно было понять, что их появление было связано с какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Но какими? Только много лет спустя тетя Лида рассказала мне, как однажды она была поднята среди ночи

в далекой Виннице тревожным предупреждением о грозящей ее семье опасности. Муж, инженер-путеец, брат Валериана Платоновича, был взят по обвинению «враг народа», а тетя Лида, в чем была, должника была в одночасье исчезнуть из поля зрения.

Наши соседи приняли ее (наверное, на свой страх и риск). Не имея никаких документов, молодая женщина была вынуждена на новом месте начинать все сначала. И она нашла в себе силы, чтобы не погибнуть, чтобы выстоять, опираясь только на себя. Устроилась на работу в Горэнерго – снимала показания электрических счетчиков в квартирах горожан, отмеривая ежедневно большие расстояния. Человек способный, наблюдательный и очень контактный, она приносила домой кучу всевозможных историй, происходивших в нашем военном г. Горьком. Речь ее была пересыпана украинскими словами и отличалась большой живостью. Мы любили кучковаться по вечерам около ее «буржуйки», слушая бесчисленные байки. Она, безусловно, скрашивала наше «холодное и голодное» существование и была примером для подражания. И потому много лет спустя, незадолго перед ее смертью, я не раздумывала, какие слова мне следует написать на обороте моей фотокарточки, которую она попросила у меня на память. Вот они, эти слова: «Дорогой тете Лидочке. На память о военном лихолетье. Славной хохлушке-хохотушке, рядом с которой и война была не война, и беда не беда».

Наш папа вернулся с фронта за несколько месяцев до окончания войны в звании капитана юстиции. Практически он был «списан» почти как смертельно больной человек. И тут наша мамочка в очередной раз проявила образец героизма. Самоотверженно приступила к его лечению. Строжайшая диета. И это-то в тяжелые, голодные послевоенные годы! Более пяти лет повседневной борьбы за папино здоровье дали свои плоды. К 1952-1953 гг. болезнь начала отступать. Сейчас я отчетливо понимаю, что этому в немалой степени способствовала и правильно выбранная ими обоими стратегия жизни. Прежде всего было решено, что отныне они работают вместе. Папа занялся адвокатской деятельностью. Мама, ранее уже знакомая с машинописью, стала его секретарем-машинисткой. Приобрели в комиссионном магазине пишущую машинку. Она и

по сию пору хранится как реликвия в нашей семье. И пошло! Много лет подряд они работали вместе. Папа диктовал, мама печатала. Очень слаженно у них это получалось! Этаким дружный дуэт!

Это изумительно с возвращением папы преобразилась наша жизнь под самый занавес войны! Папа, по природе своей гуманитарий, буквально «насаждал» это гуманитарное начало в нашем доме. Он интересовался, что мы «проходим» по истории. «Гонял» нас по географии, сам испытывая при этом большое удовольствие. Изголодавшись за время войны по книгам, потихоньку от мамы приобретал в букинистическом магазине приглянувшиеся ему книги и пополнял нашу домашнюю библиотеку, которую он начал формировать еще до войны. Книгу боготворил! После работы часто ласково листая страницы, зачитывал иногда нам понравившиеся ему места.

Любил живопись! Карандашные зарисовки, вьетки постоянно присутствовали в его деловых бумагах-заготовках. А иногда, по предварительной договоренности с мамой, устраивал себе день живописи. Извлекал свои богатства – масляные краски, кисти и на импровизированном мольберте – стуле – рисовал! Как правило, его привлекали натюрморты, пейзажи, которые он копировал с блеклых иллюстраций журналов и альбомов. Иронизировал сам над собой, поговаривая: «Копия может превзойти оригинал». Сейчас я понимаю, что ему доставляло большое удовольствие смешивать краски, получая нужные тона, и это ему, по-моему, удавалось! И какое блаженство испытывал он в эти минуты. Мама создавала все возможные условия, чтобы предоставить их ему. Мы с братом вроде бы тоже вживались в эту роль. «Папа рисует!». Еще гремела война, и все было в жизни так неустроенно, а они с мамой пытались воссоздать в доме такие вот мгновения человеческого счастья. Тогда мы могли это все вместе только ощущать. Осмысленное же понимание и оценка пришли, увы, много позже. И нет никакой возможности сказать им за все «спасибо!».

День Победы папа предсказал почти с точностью до одного дня. В памяти сохранилось всеобщее ликование. Большое скопление людей на улицах. Музыка.

О.Н. Попова

* * *

Я выросла в старинном русском городе Слободском. До войны он был связан с г. Киров железной дорогой, куда ежедневно по утрам отправлялись пассажирские поезда. Путь до Кирова занимал 4.5 часа. Пешком, «напрямик», это занимало немногим больше времени. Вечером, когда прибывал поезд из Кирова, его встречало много народу. Собственно встречающих было мало. Для большинства населения перрон был местом гуляния. Люди прихорашивались и шли на вокзал, чтобы на других посмотреть и себя показать. К приходу поезда на перроне играл духовой оркестр. Там стоял «запах» праздника, там люди отдыхали, общались. Другим центром массовых встреч был городской базар. Ведь в ту пору в продоволь-

ственных магазинах продавались только бакалейные товары и хлеб. Все остальное приходило в дом с базара. Поэтому у каждой хозяйки день начинался именно с посещения рынка. Вместе с продуктами в дом приносились и все новости от мировых до местных.

Зимой 1941 г. мне исполнилось шесть лет, а за несколько дней до войны моему брату – пять. В его день рождения, когда мама принаряжала нас, чтобы пойти на базар, наверное, за подарком, к нам прибежала соседка и прошептала маме, что пока туда ходить не надо. На базаре был переполох. Какой-то нищий старик ходил и говорил о том, что скоро будет война, и что надо запасать еду. Старика забрали милиционеры и искали тех, кто с ним был. Говорили, что это вражеский шпион и диверсант. Я побежала к своей двоюродной сестре и тут

же ей рассказала о том, что услышала. Сестра надрала меня за ухо и сказала, чтобы я не вздумала эту новость кому-нибудь еще рассказать, «а то посадят в тюрьму». Так в мое сознание вошло слово война.

Первые дни войны я плохо помню. В памяти осталось только то, что все время ждали сообщений по радио. Оно работало всего несколько часов в день, а не все время, как сейчас. С началом войны график включения был нарушен. Все прислушивались и ждали включения. Как только раздавалось характерное потрескивание, сразу же замолкали разговоры и все приникали к круглой черной тарелке... Стекла на окнах заклеивали газетными полосками и на ночь почему-то закрывали их одеялами. Наш город был местом сбора мобилизованных на фронт со всего района. У нас перед отправкой на фронт ночевали все дядья. Первым был младший брат моей мамы, красивый и очень веселый человек. Он с моим братом играл в лошадки. Шумели, ползали по всей комнате, перевернули стол, все стулья, но мама почему-то не сердилась. Все смеялись. Утром дядя ушел в военкомат, потом мы пошли на вокзал, чтобы проводить его, но не смогли увидеть. Было очень много народу. Мама почему-то очень сильно плакала. Потом на ночь или две появлялись мужья моих теток. Утром мы ходили на вокзал, ждали, когда к поездам пойдут отряды мобилизованных, чтобы увидеть родных и хотя бы помахать им рукой. Играл оркестр, но никто не веселился, люди были грустными, плакали. Многие женщины голосили.

Моего отца в день объявления войны в городе не было. Он был в санатории ЦК партии в Химках, где лечился от туберкулеза легких. Оттуда всех больных направили куда-то за Урал долечиваться. В Кирове отец сошел с поезда и сразу уехал на работу. Он был секретарем райкома партии. Кто-то из райкома позвонил маме. Дома он появился через три дня. Отца мы почти не видели. Я всегда увязывалась за мамой, когда она носила ему еду на работу. Иногда носила узелок с едой я одна. Если удавалось пробраться к нему в кабинет, я тихо сидела и ждала, когда он сможет со мной поговорить. Не помню, чтобы это удавалось. Обычно кто-нибудь меня замечал, выводил вон и отправлял домой. Мама работала надомницей. У нас была швейная машина, и мама шила брезентовые рукавицы и перчатки для солдат на фронте. Мы с братом выворачивали их, складывали в пачки. Мама доверяла мне шить на машине большой шов. Пальчики она всегда вшивала сама.

Последним уходил на фронт старший брат мамы. Уходил добровольцем. Он не подлежал мобилизации по возрасту. Ему было больше 45 лет. Только через 50 лет я узнала от его жены, что на третий день войны колхоз отправил всех лошадей в распоряжение военкомата. Под озимь пахали уже на коровах. В начале осени в колхоз приехал уполномоченный с приказом поставить через три дня для нужд фронта восемь лошадей. В случае невыполнения приказа председатель нес ответственность перед военным трибуналом. Мой дядя был председателем колхоза. Он не хотел, чтобы его дети ока-

Валентина Михайловна Швецова

зались детьми «каторжанина». Надеялся, что война к весне закончится, и семья сможет продержаться на те 2000 трудодней, которые были заработаны. Он не знал, что трудодень будет оценен в две копейки, а буханка хлеба на рынке будет стоить 300 рублей. Дома оставались шестеро детей, старшему из которых было 15 лет. Мой дядя погиб в начале 1942 г. В 1943 г. ушел на фронт его сын, который вернулся с войны полным кавалером ордена Славы. Никто из остальных ушедших на войну не вернулся домой. Все они погибли в 1941-1942 гг.

Каждый день мимо наших окон шли отряды солдат в сторону вокзала. Мальчишки всегда сопровождали их. Старались идти в ногу. Обычно их никто не отгонял. На стадионе с утра до поздней ночи шла военная подготовка мобилизованных. Все время рядом были дети, которые чуть в стороне старались повторять все, что делали взрослые. Они провожали все эшелоны с солдатами. Многие старались сбежать на фронт. Даже мой брат однажды влез в эшелон, спрятавшись под скамейку в воинском поезде. Его обнаружили на следующей станции, командир сказал ему, что этот поезд идет не на фронт, а вот когда он повезет солдат воевать, то обязательно заедет за ним и возьмет с собой. Брата привезли домой на машине военного патруля, ему было около шести лет. Несколько 13-14-летних мальчишек из нашего города все-таки оказались на фронте. Среди них был сын наших соседей. В качестве сына полка он принимал участие в боевых действиях и закончил войну где-то в Чехословакии. В 1946 г. вернулся с фронта с медалью и долгое время был кумиром всей улицы.

У моего отца снова открылся туберкулез легких, который осложнился туберкулезом горла. Часто горлом шла кровь. Все школы и больницы города были отданы под госпитали. В один из них привозили отца прямо с работы. Останавливали кровотечение, и он снова отправлялся на работу. Помню, что мы с братом выщипывали мякину из кусочков хлеба, которые мама откладывала папе на обед. От мякины у него из горла шла кровь. Мякинины, если их долго держать во рту, становились сладкими, и мы соревновались, кто дольше их не проглотит. Потом папа слег. Он почти не мог говорить. Помню только, что он очень ждал открытия второго фронта, но не смог дожить до этой даты.

Жили голодно, как все. Помню, как однажды я пошла выкупать хлеб. Карточки на всю декаду держала в кулаке. До магазина не дошла. Остановилась поглазеть на солнечное затмение. Это было потрясающее зрелище, но когда оно закончилось, карточек у меня в руке не оказалось. В этот день я в первый да и в последний раз, наверное, видела слезы отчаяния на лице моей матери. И хотя мама меня даже не поругала, я поняла меру своей вины и цену безопасности.

В школу я пошла в 1942 г. Нам выдали по одной тетради в косую линейку для чистописания. Она сохранилась до сих пор. Из-за нее я помню, что успехи школьников оценивались не баллами от «5» до

«1», а «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» и «очень плохо». Еще нужны были тетради по письму и арифметике. Их шили из старых газет, а моя мама делала их из журнала «Большевик», многолетние запасы которого хранились в нашем чулане. Журнал резали поперек и получали две превосходные тетради. Писать хорошо было между печатными строчками. Главным достоинством такой тетради было то, что в ней не так были заметны пометки. Уроки учили при коптилке или перед топящейся печкой. Были проблемы с керосином. Писали перьевыми ручками. Чернила были большим дефицитом. Не помню, где их брали для домашних работ. В школе утром чернила разливала сама учительница в глиняные чернильницы. После уроков их сливали обратно, чтобы не замерзли. Печи топили ранним утром, чтобы классы прогрелись к началу занятий, но все равно в классах сидели в пальто. В школе после уроков оставались на репетиции концертов для раненых в городских госпиталях. Выступали часто. Запах госпитальных палат помню до сих пор. Дома шили и вышивали кисеты, вязали рукавицы и носки, если дома была шерсть, и уносили в школу. Там формировали посылки для фронта.

На школьном огороде выращивали какие-то овощи. Я помню капусту и картошку. Кочаны были очень тяжелыми. Мы не могли их поднять и таскали волоком или катали. Картошка всегда была очень грязной. Почва в школьном огороде была глинистой, а погода дождливой. Все хранили в школьном подвале и использовали на ежедневные обеды. Обед варила техничка. Помогала учительница и ученики старшего, четвертого, класса. Это был суп. К нему давали по 100 граммов хлеба. Хлеб старались не есть, а оставить на дорогу из школы домой. Когда он долго был за щекой, то становился очень сладким. Если хотелось донести хлеб домой, надо было его спрятать. Могли отобрать по дороге. Помню свои сны. Они почти всегда были о розовых пирожных и ситро, которые до войны нам покупали во время праздника авиации на аэродроме. Все время хотелось есть, но это было принято скрывать. Признаваться в том, что ты голоден, считалось очень постыдным. Мечтали, но все мечты начинались со времени, «когда кончится война..... Мы с первого класса ходили в колхозы на сельхозработы. Собирали картошку, выдергивали лен. После него очень болели руки.

В городе появились беженцы из Варшавы. Мы бегали смотреть на них. Приехавшие люди отличались очень сильно от местных и манерой одеваться, и разговором. Потом появились эвакуированные из Ленинграда, из Белоруссии. Их подсаляли в квартиры горожан. В детдоме появились ленинградские дети.

Все ждали почту, ждали треугольники, но чаще приносили квадратные конвертики со справкой, где было написано, что такой-то пал смертью храбрых (или умер в госпитале после тяжелого ранения), там-

то, тогда-то. Когда похоронка пришла в дом моей тети, она страшно плакала. Мы все суетились около ее и не знали, как успокоить. Младший ее сын не мог понять, что страшного в том, что убили

папу. Тетя объяснила ему, что больше не будут приходить письма от него. Мальчик обнял маму и сказал, чтобы она не плакала и что когда он вырастет, он сам будет писать ей письма. Слезы у всех кончились. После первой похоронки о гибели старшего брата мама вдруг получила его письмо из госпиталя. Он писал, что был тяжело ранен, но что сейчас поправляется и скоро снова будет на фронте. Сколько было радости, надежд, но ни одна из них не оправдалась. Через полгода пришла вторая похоронка, и нового чуда не произошло...

Помню, когда появился гимн Советского Союза, мы его учили всем классом. Текст был напечатан на обратной стороне открытки с портретом И.В. Сталина в форме генералиссимуса. Такие открытки дали лучшим ученикам. Почти все носили их с собой в школу и однажды их попросили собрать. Я свою оставила дома, не хотела ее смять в своей тряпичной сумке и не сдала. Моя подружка по большому секрету поведала, что их собирают потому, что враги зашифровали в рисунке погон Иосифа Виссарионовича слово «смерть». Дома я этого слова увидеть не сумела, а открытку спрятала так, чтобы ее никто не нашел. Уж очень она мне нравилась.

Было голодно. Стали умирать бабушки, дедушки. Умер и мой дед. Его привезли к нам из его дома в деревне. Ему было немного за 70. Он плакал и все время просил есть. Ему надо было давать еду часто и понемногу. Мама кормила его с ложки, почти не отходила от него и плакала вместе с ним, может быть от обиды, что не может помочь родному отцу. У деда началось заболевание, которое все называли водянойкой. Когда отек поднялся к груди, он умер. Из моих одноклассников умерла одна девочка. В других классах тоже умирали дети. Мне повезло. Мама работала на заводе, ей выделили путевку, по которой я попала на целое лето в лесную школу для детей с больными легкими и сердцем. Подлечили и откормили... Продавали вещи. Мама отдала нарядное шерстяное платье, которое мне очень нравилось, за килограмм овса женщине, которая работала в «Заготзерно». Помню, что овес оказался влажным, и моя тетя очень ругала маму за то, что она этого не заметила. В 1944 г. мой старший двоюродный брат пошел работать подручным маляра. Ему было 11 лет, но все же ему дали рабочую хлебную карточку. В этом же году из деревни ушла моя 12-летняя двоюродная сестра. Ее устроили работать на кожкомбинат, приписав два года.

Все горожане имели огород, почти все – картофельные участки и скотину. За корову надо было платить налог. В счет налога за корову отдавали телят. Надо было еще сдать сколько-то килограммов масла. Дети занимались пастьбой скота, следили за домом, справлялись с огородом. Надо было еще натаскать побольше дров. Таскали сучья из леса, но срубить с деревьев их было нельзя. Подбирали, а если рубили, то тщательно «гримировали» срез под старый облом. Картошки хватало до марта-апреля. Семенную не трогали. Когда появлялись проталины, бегали на колхозные поля. Собирали гнилую картошку, пропускали ее через мясорубку, отмывали крахмал, который использовали на приготовление какой-то еды. Воду носили с реки. По крутому склону метров 800. Водопровод был близко, но деньги на талоны были не всегда.

За время войны сильно пообносились. Одежды и тканей в свободной продаже не было. Изредка что-то давали не то по карточкам, не то по каким-то талонам. Шили, перешивали, подшивали. Для школы мама мне шила тапочки из старого папиного плаща. Чтобы тапочки дольше носились, до школы шла босиком и надевала их на крыльце. В магазине иногда продавали резиновые калоши, наверное, по карточкам или каким-то талонам. Очень красивые, на красной подкладке достались и нам. Осенью, по грязи, я ходила в них в школу, надевая на толстые вязаные носки. Не помню, чтобы кто-нибудь из ребят стеснялся плохой одежды, но очень следили за ее чистотой и аккуратностью.

Однажды в конце войны по улице вели строй пленных немецких офицеров. Все высыпали на улицу. Не помню, чтобы кто-то ругался вслух. По обочине дороги стояли женщины как каменные. Нам было жутко, и мы жались к матерям и тоже каменели.

День Победы был необыкновенно радостным, счастливым. Ночью тоже никто не спал. На окнах стояли патефоны, играла музыка. Все были нарядные, красивые. Кто пел, кто плясал, кто тихо плакал. Все кружилось в каком-то вихре всеобщей эйфории. Потом ждали перемен и возвращения выживших. Стали возвращаться уцелевшие на войне. Началась послевоенная жизнь, которая во многом для нашей глубинки оказалась еще более тяжелой по сравнению с военными годами, но это уже другая жизнь и другая история.

Когда отменили карточки, настали очень трудные времена. Мы проводили все свое время в очередь

за хлебом. Хлеб начинали продавать не то в семь, не то в восемь утра. Его хватало на один-два часа торговли. Все, кому не досталось, оставались в очереди до следующего дня, а те люди, кому удалось получить хлеб, тут же занимали очередь на завтрашний день. Люди изобрели и с разным успехом использовали массу технологий, как влезть в очередь без очереди и сделать так, чтобы из нее не выкинули...

В 1946 г. умерли родители моего отца. Они были старыми людьми. Того, что собирали в огороде и зарабатывали в колхозе, не хватало на пропитание. Начали пухнуть с голоду, потом водянка.

В хлебном магазине начали торговать наши соседи. Прокопий Иванович вернулся с фронта и стоял за прилавком вместе со своей женой, тетей Тасей. Помню, что когда появились в продаже булочки, их давали по две штуки в руки. Кажется, торговали ими раз в неделю. Мы с братом стояли в двух очередях и перебегали друг к другу. Вместо четырех, наши соседи совали в сумку пятую булочку, а если удавалось выкупить булки в двух очередях, то мы приносили домой 10 булочек. Наша «бригада», кроме нас с братом, включала в себя еще наших двоюродных сестру и двух братьев. Старший с нами не ходил. Он работал. Наше дело было обеспечить семью хлебом. Матери тоже не всегда могли присоединиться к нам. Работали по 10-12 часов на производстве. По воскресеньям рабочих или отправляли в колхоз или на разгрузку вагонов. Отпуск не брали, взамен можно было получить деньги.

В.М. Швецова

ОБЕЛИСКИ

**По всей Европе, далеко и близко,
В лесах, полях, на берегах морей
Стоят в молчанье строгом обелиски
Над воинами Родины моей.**

**Их жизнь была, как песня, недопета,
Погасло солнце среди бела дня.**

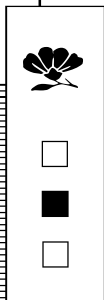
**Как им дожить хотелось до Победы,
И как их дома ждали сыновья!**

**Все помнят люди, и над Волгой где-то,
У основанья каменной плиты
Лежат ромашек белые букеты –
Земли российской скромные цветы.**

В.А. Мартыненко. 1995 г.

ЮБИЛЕИ

В марте отметила свой юбилей заведующая питомником экспериментальных животных Института биологии Коми НЦ УрО РАН Наталья Гелиевна Юшкова.

35 лет тому назад Наталья Гелиевна начала свою трудовую деятельность в Коми филиале АН СССР в должности лаборанта. Постепенно поднимаясь по служебной лестнице, она приобрела ценнейшее богатство — профессиональный опыт. Это позволило Наталье Гелиевне не только успешно продолжить дело своего наставника — Владимира Ивановича Груздева — первого заведующего питомником, но и сохранить заложенный им фундамент для дальнейшего эффективного развития важного для работы

биологов-экспериментаторов вспомогательного подразделения. И в настоящее время Наталья Гелиевна щедро делится своими знаниями и опытом с молодыми специалистами.

Среди коллег Наталья Гелиевна пользуется заслуженным авторитетом и уважением благодаря таким личностным качествам, как отзывчивость, доброжелательность, терпение. Она всегда оказывает поддержку и помощь сотрудникам, обеспечивая их научную работу необходимым экспериментальным материалом. Можно с уверенностью сказать, что Наталья Гелиевна относится к той категории людей, без которых невозможна в полной мере реализация научной и учебной деятельности, включающая подготовку многих квалификационных работ студентов, аспирантов, докторантов нашего Института, Института физиологии Коми НЦ УрО РАН, лаборатории сравнительной кардиологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкарского филиала Кировской медицинской академии и Сыктывкарского государственного университета, а также своевременную подготовку публикаций и успешное выполнение научных проектов, поддержанных грантами программ Президиума УрО РАН и РФФИ.

Коллеги высоко ценят самоотверженный труд Натальи Гелиевны, ее постоянное стремление к совершенствованию накопленных знаний, отмечают удивительную трудоспособность и уникальный талант — находить в непростых ситуациях оптимальные пути решения сложных вопросов как в профессиональной сфере, так и в быту.

Заслуги Натальи Гелиевны Юшковой отмечены многочисленными почетными грамотами Института биологии Коми НЦ УрО РАН, Коми НЦ УрО РАН, УрО РАН, РАН и Профсоюза работников РАН. В 2014 г. ей присвоено звание «Ветеран Коми научного центра УрО РАН».

Дорогая Наталья Гелиевна, горячо поздравляем Вас со славным юбилеем! От всей души желаем Вам сохранить на долгие-долгие годы все те удивительные качества, которые позволяют Вам быть столь яркой личностью, талантливым руководителем и доброжелательным человеком! Доброго Вам здоровья, неувядаемой молодости и большого счастья!

Коллектив Института

* * *

В апреле исполнилось 50 лет ведущему инженеру Наталье Петровне Соколовой. После успешного окончания Сыктывкарского государственного университета, в 1987 г., по специальности «химия, преподаватель химии», Наталья Петровна преподавала в школах г. Сыктывкара. После четырехлетней преподавательской деятельности, почти 25 лет назад, в 1991 г. она пришла на работу в лабораторию экологии водных организмов (в настоящее время — ихтиологии и гидробиологии) Института биологии Коми НЦ УрО РАН на должность старшего лаборанта. Спустя год была аттестована в должности инженера II категории, а с 1996 г. и по настоящее время занимает должность ведущего инженера лаборатории ихтиологии и гидробиологии. Наталья Петровна — многогранный специалист, владеет всеми необходимыми методами сбора, камеральной обработки и анализа материалов по ихтиологии и гидробиологии, которые используются в лаборатории.

Наталья Петровна — неременный участник многих конференций, круглых столов, семинаров, где получила неоценимый опыт организации и проведения научных и общественных мероприятий. Кроме основной работы она еще ведет табель учета рабочего времени в отделе экологии животных. А это серьезная дополнительная, да и эмоциональная нагрузка. Наталья Петровна в высшей степени трудолюбивый, обязательный и эрудированный специалист, который, не считаясь с личным временем и отпусками, всегда идет навстречу нашим просьбам и качественно выполняет любую работу.

Наталья Петровна — соавтор научных публикаций по гидробиологии и ихтиологии, соисполнитель многих грантов, научно-исследовательских и прикладных проектов, в том числе таких, как «Мониторинг рыбного населения в районе производственной деятельности ОАО «Боксит Тимана», «Влияние нефтяного загрязнения на животный мир Республики Коми», «Биологические ресурсы России», «Оценка влияния многофакторного антропогенного воздействия на экосистемы поверхностных вод Республики Коми. Экология. Токсикология. Водопользование» и многих других.

Дорогая Наталья Петровна! Сердечное спасибо за Ваш многолетний и успешный труд в стенах нашего Института! Коллектив Института биологии Коми НЦ УрО РАН горячо поздравляет Вас с 50-летием и от всей души желает Вам здоровья, счастья и благополучия.

ЮБИЛЕИ

В апреле отметила славный юбилей бухгалтер I категории **Татьяна Андреевна Терентьева**. Ее трудовой стаж насчитывает 42 года, из которых более 25 лет она работает в нашем большом коллективе. Институт биологии — один из самых крупных учреждений в Уральском отделении, поэтому и забот у Татьяны Андреевны немало! Однако ее опыт бухгалтера позволяет ей справляться со многими возникающими проблемами и трудностями. Первые бухгалтерские знания, приобретенные ею в Ремонтно-монтажном комбинате Коми Респотребсоюза, куда в 1979 г. она поступила на должность бухгалтера материальной части, стали основой для будущей профессии.

Каждый из нас осознает важность и востребованность труда бухгалтера. Работа с документами в финансово-экономическом отделе требует постоянной аккуратности, внимательности, пунктуальности, исполнительности, высокой работоспособности, ответственности и добросовестного выполнения поставленных задач. Не менее сложна и работа с людьми, предполагающая вежливость, общительность и неконфликтность. Т.А. Терентьева в полной мере обладает всеми перечисленными качествами. Нам всегда очень приятно видеть ее очаровательную улыбку, с которой она нас встречает, чувствовать ее хорошее настроение и расположение.

Мы очень ценим Татьяну Андреевну не только как специалиста-бухгалтера, но и как замечательного человека, обаятельную женщину, всегда прекрасно выглядящую и обладающую тонким вкусом.

Дорогая Татьяна Андреевна! Сердечно поздравляем Вас с юбилейной датой! Пусть во всех делах Вам сопутствует успех! Пусть с Вами рядом всегда будут верные друзья! От всей души желаем Вам только дебета счастья, удачи, любви и нежности! Пусть кредит снимет все ненастья и уменьшит пасмурные дни, а на Вашем расчетном счету будет только ясная, хорошая погода!

Сотрудники Института биологии

* * *

В апреле отпраздновала юбилей дежурная бюро пропусков Института биологии **Екатерина Федоровна Яборова**. Вот уже более 15 лет Екатерина Федоровна работает в нашем Институте, и это только часть ее богатого событиями жизненного пути. Своим добросовестным трудом она заслужила искреннее уважение всех сотрудников. Е.Ф. Яборова является исключительно ответственным и трудолюбивым работником, которому присущи высокая нравственность, интеллигентность, принципиальность, порядочность, бескомпромиссность и надежность.

За эти годы мы узнали Екатерину Федоровну как человека огромного личного обаяния, душевной доброты, бескорыстия и неиссякаемой энергии. Она всегда очень доброжелательна, уравновешена, объективна и открыта в общении.

Дорогая Екатерина Федоровна, в день Вашего юбилея искренне желаем Вам, прекрасному человеку, крепкого здоровья, семейного благополучия, чтобы жизнелюбие, оптимизм, женское обаяние, доброжелательность и далее оставались неотъемлемыми чертами Вашего характера!

Коллектив Института биологии

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Елене Вячеславовне Шамриковой с успешной защитой диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук (специальности 03.02.13 — «почвоведение») «Кислотно-основное состояние почв таежной и тундровой зон европейского северо-востока России» (диссертационный совет Д 501.001.57 при Московской государственном университете)!

Желаем дальнейших творческих успехов!

ЮБИЛЕИ

В апреле исполнилось 60 лет руководителю группы автоматизации научных исследований **Сергею Васильевичу Коковкину**.

После окончания физико-математического факультета Сыктывкарского государственного университета началась его трудовая деятельность в лаборатории математики и вычислительной техники Коми филиала АН СССР в должности инженера-программиста. В нашем коллективе Сергей Васильевич работает почти 15 лет. За эти годы он зарекомендовал себя очень ценным специалистом, обладающим такими деловыми качествами, как креативность, исполнительность, высокая работоспособность, нацеленность на результат, ответственность за свои действия и принятые решения, дисципли-

линированность, энергичность, умение быстро разобраться в сути проблемы, даже если это касается новой области знаний.

Неоценим его вклад в развитие закупочной деятельности и формирование закупочной политики Института биологии Коми НЦ УрО РАН. Его организаторские способности поистине фантастичны! В этой сфере деятельности Сергей Васильевич является уникальным профессионалом с большим практическим опытом! Ему знакомы абсолютно все способы закупок, и такие термины, как запрос котировок, прямые закупки у единственного поставщика, аукцион, открытые и закрытые конкурсы — для него отнюдь не пустые слова. Он, зная как достоинства, так и недостатки всех вышеперечисленных способов закупок, способен безошибочно выбрать и предложить самое оптимальное решение по их выбору. Творческий подход к своей работе, добросовестное выполнение поставленных задач, блестящие навыки делового общения, умение вести успешные переговоры с поставщиками, способность быстро самостоятельно принимать правильные решения, стрессоустойчивость в нестандартных ситуациях, умение убеждать и договариваться неизменно приводят к блестящим результатам! К Сергею Васильевичу постоянно обращаются за советами коллеги из других институтов.

Дорогой Сергей Васильевич! Мы высоко ценим Ваш добросовестный многолетний труд, Ваш большой вклад в развитие нашего Института. Присущие Вам, Сергей Васильевич, профессионализм, компетентность, требовательность, ответственность, доброжелательность и коммуникабельность давно снискали уважение и авторитет среди всего коллектива Института.

В знаменательный для Вас день юбилея мы искренне желаем Вам, дорогой Сергей Васильевич, доброго здоровья, благополучия и многих сил для Вашей дальнейшей плодотворной деятельности!

Благодарим за Ваш профессионализм, знания и опыт!

Коллеги

* * *

Сотрудники лаборатории геоботаники и сравнительной флористики отдела флоры и растительности Севера Института биологии от всей души поздравляют **Людмилу Владимировну Тетерюк** с юбилеем!

Время идет, летит, и наступает такой момент в жизни, когда тебе исполняется круглое, золотое, замечательное число лет, именуемое юбилеем, с которым мы Вас и поздравляем! Это всегда некий рубеж подведения итогов и одновременно созидания новых планов и перспектив развития себя и своего дела, которому ты посвящаешь свою жизнь. А дело это интересное и увлекательное, приносящее новые познания о мире редких и таких ранних растений... Многое осталось позади — учеба в школе, аспирантуре, защита диссертации (пока кандидатской), написано много научных трудов — более 130, подведены итоги изучения популяций редких охраняемых видов, но это далеко не все, многое еще предстоит исследовать и

опубликовать.

Желаем талантливому, вдумчивому, внимательному исследователю, коллеге, человеку — Людмиле Владимировне — новых творческих открытий, интересных экспедиций и путешествий по миру, сохранения здоровья, осуществления всех намеченных планов и задумок!

*Кипит работа повседневно,
Но вот среди обычных дней
Вдруг наступает день рожденья,
Чудесный праздник — юбилей!
Хотим Вам пожелать удачи,
Успеха в жизни, ярких дел,
Чтоб Вы с улыбкой, не иначе
Встречали каждый новый день!*

Коллектив лаборатории геоботаники и сравнительной флористики